

ШАРЛОТТА
ШТЕЙН

18+

КАК ПОМОЧЬ
ГОЛОДНОМУ
ОБОРОТНЮ

в переводе
МАРИТЫ ЛИДМАН

Шарлотта Штейн
Как помочь
голодному оборотню
Серия «Строки. Elure»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73752853

ISBN 978-5-00216-496-7

Аннотация

Как-то раз оборотень и ведьма заключили сделку...

Когда Кассандра Кэмберуэлл возвращается в свой родной город Холлоу-Брук, чтобы навести порядок в ветхом доме покойной бабушки, последнее, чего она ожидает, – это увидеть Сета Брубейкера на пороге. Ее бывший лучший друг стал причиной худшего момента в ее школьной жизни, и она уверена, что он здесь снова для того, чтобы ее унижить.

Пока она не выясняет истинную причину, по которой этот раздражающе красивый парень продолжает торчать поблизости: он оборотень, который уверен, что она ведьма, и именно она сможет ему помочь. Поэтому Сет предлагает сделку: он станет ее проводником в мир магии и поможет со всем разобраться, а она сварит ему нужные зелья. Никаких чувств, никаких интриг, просто ведьма и оборотень заключают сделку.

Вполне осуществимо. Пока между ними не начинается влечение. И теперь, между драками с местными

хулиганами и встречами с говорящими енотами, накал страстей нарастает. Получится ли у них сдержаться?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	65
Глава 5	78
Глава 6	88
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Шарлотта Штейн

Как помочь голодному оборотню

© 2024 by Charlotte Stein

All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency.

© Шарлотта Штейн, 2025

© Марита Лидман, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2025

Дизайн обложки и иллюстрация *Ирины Вебер*

* * *

Посвящается Т. К.

Пролог

В последнее время он почему-то стал добрее. И хотя ей не нравилось, что она отреагировала на эту неожиданную перемену как бутон, распускающийся при первых лучах солнца, нельзя было не признать, что это приятно. Даже появилась надежда, что они снова станут друзьями.

«А вдруг эти придурки ему надоели? Вдруг он начинает вспоминать, что они с нами делали? Вдруг он снова хочет смотреть кино, играть в *Mario Kart* и плавать со мной в карьере? – думала она, выкатывая на сцену небольшую тележку. Ту самую, которую он посоветовал использовать для номера в шоу талантов. – Он сказал, что у тебя все получится. Что им понравится шоу со сладкой ватой».

И говорил так искренне, будто он снова был ее лучшим другом, а не другом придурков, превративших их школьные годы в настоящий ад. Тех самых придурков, в компании которых он стоял за секунду до того, как поднялся занавес.

«Нет, нет, нет, нет, нет», – пронеслось в голове.

Но было уже поздно.

Нет, он не стал бы ее обманывать.

Не стал бы, и точка.

Да, теперь он дружил с ними, но не позволял себе издеваться над ней. Просто старался не разговаривать, просто отворачивался, когда она шла навстречу. Это ведь не ставит

его в один ряд с теми уродами, правда?

«Да», – твердо сказала она себе.

В зале, кажется, собралась вся старшая школа – все готовы аплодировать, глядя, как она создает сахарные нити.

Или же освистывать, если что-то пойдет не так.

Может, даже готовы выставить посмешищем.

Нет, этого не произойдет, она все сделает правильно.

Она знала, на что способна, и понимала, как нужно поступить. Такие моменты она встречала со спокойствием и уверенностью. Она чувствовала себя так и сейчас, когда снимала покрывало с неукрашенного многоярусного торта и, хихикая, представлялась зрителям. Чутьочку ехидно, чутьочку самоуничижительно, чутьочку странно.

Так, как раньше нравилось Сету.

Хотя вряд ли нравится сейчас.

Потому что не успела она начать, как раздался оглушительный писк другого микрофона. А потом по залу пронесся голос – очень высокий, но все равно вполне узнаваемый.

Сет.

Это был Сет.

Это он выкрикнул то слово. Слово, которое все время кричали ей вслед те уроды. Но она и представить себе не могла, что он тоже назовет ее так.

– Толстожопая.

И все бы ничего, она бы это стерпела, пропустила мимо ушей, потому что привыкла за эту вечность – кажется, не

меньше, – хотя на самом деле прошел только год. Год – и из мальчика, которого она любила, Сет превратился в это. В парня, который ее оскорбил. Мерзавца, который подстроил ловушку, да такую, что она навсегда запомнила его жестокость.

Потому что буквально через секунду торт рухнул.

Прямо на нее.

И все начали смеяться.

И вот этого Кэсси стерпеть уже не смогла. Разве она будет Кэрри¹, если оставит это все без последствий. Внутри закипали ярость и разочарование – настолько сильные, что она была готова швырнуть этот несчастный торт прямо в парня, который – она точно знала – смеялся над ней вместе со своими друзьями.

На самом деле, она до сих пор не понимает, почему не сделала этого.

Почему убежала.

И почему не остановилась, когда услышала, как он зовет ее.

«Остановишься – сделаешь что-то ужасное», – шептал внутренний голос.

Но боялась она не этого. Она боялась, что он начнет

¹ Кэрри – героиня одноименного романа Стивена Кинга, жертва издевательств со стороны одноклассников. Пережив публичное унижение, подобное тому, которое пережила Кэсси, Кэрри с помощью неожиданно открывшихся у нее телекинетических способностей убила всех, кто над ней издевался, закрыв их в спортивном зале и устроив пожар. *Здесь и далее прим. ред.*

оправдываться, а она его выслушает. И простит.

«Ему даже не придется просить прощения, ты все равно его простишь. Все сойдет ему с рук только потому, что ты скучаешь по вам из прошлого», – подумала она.

И Кэсси остановилась. Но не для того, чтобы выслушивать его оправдания.

И не для того, чтобы принять его притворные извинения.

А чтобы крикнуть первое, что пришло ей в голову:

– Ты чудовище, Сет Брубейкер!

Оттолкнув его, она побежала дальше.

И в ту же секунду грянул гром.

Глава 1

Первой мыслью Кэсси, когда она увидела, что он подходит к дому, было убить его и закопать тело на заднем дворе. Потом до нее дошло, что для этого придется выкапывать огромную яму, тащить на себе эту здоровенную тушу, да еще и закапывать все обратно – и как-то оно того не стоило. К тому же в процессе она наверняка изгваздает весь дом, а этого уж точно хотелось бы избежать, ведь она только-только закончила уборку.

В старенький дом своей бабушки Кэсси вернулась два дня назад – впервые за долгие годы – и все это время отдраивала семидесятилетний слой грязи. Во время своего уборочного штурма она чудом не запуталась как минимум в тридцати паутинах, нашла в шкафах вещи, которые нельзя показывать ни одной живой душе (если только эта душа не собиралась обрушить древнее проклятие на ничего не подозревающий мирный городок в Новой Англии), и чуть не стерла колени от постоянного стояния на четвереньках.

Ну уж нет, она не позволит Сету Брубейкеру свести на нет все ее старания.

Уж если и убивать его, то так, чтобы не пришлось заново устраивать уборку.

Может, растворить его в ванне с кислотой?

Или арендовать садовый измельчитель и порубить труп на

мелкие кусочки?

А что, звучит заманчиво.

Но заманчивее всего, конечно, просто не открывать Сету дверь. В конце концов, ему нечего здесь делать, а у нее есть все основания его избегать, ведь в старшей школе он превратил ее жизнь в настоящий ад.

Ад настолько разрушительный, что отголоски тех событий давали о себе знать даже в ее преклонные двадцать семь лет. Кэсси поймала себя на том, что вспоминает, как они дружили в детстве, как заступались друг за друга перед компашкой школьных мучителей и как сильно она переживала, когда где-то в середине старших классов Сет стал слишком красивым и крутым, чтобы общаться с такими, как она, и начал тусоваться с парнями, которые запирали ее в шкафчике и еще совсем недавно дразнили их обоих неудачниками за любовь ко всякому странному.

А странным Джейсону Киркпатрику и его друзьям казалось все.

Так что и Сет стал считать странным то, что раньше было дорогим и для него, а закончилось все тем роковым инцидентом.

В общем, Кэсси имела полное право не реагировать на его настойчивый стук.

Черт, может, притвориться, что ее нет дома? Дверь толстая, из цельного дерева. К тому же последний час Кэсси провела в подвале, так что он не мог увидеть ее в окно.

«Сиди тихо, и он уйдет», – сказала она себе.

И это решение казалось вполне разумным...

Пока к стуку не добавился голос.

Но самое странное, что звал он не ее.

– Аделина! Вы дома? – крикнул он, и внутри у Кэсси все похолодело. Так звали ее бабушку, но сама она почти не произносила это имя вслух. Да и произносила ли? Она всегда называла ее «бабулей» или «бабушкой» – и никак иначе. Так какого черта Сет Брубейкер зовет бабулю по имени?

Он же ее едва знает.

Даже в детстве, в те редкие моменты, когда Сет заходил в гости – тогда они играли в настольные игры или выпрашивали молоко с печеньем, – он всегда называл бабушку «миссис Кэмберуэлл». Потому что тогда он был вежливым ботаником, правда, потом вырос в высокомерного мудилу.

– Ну же, Аделина. Открывайте, – просил Сет. А Кэсси стояла за дверью, одолеваемая страхом... и любопытством. Любопытство, в конце концов, взяло верх, и, не успев толком все обдумать, она схватилась за ручку и открыла дверь.

И, конечно, тут же об этом пожалела, ведь теперь она не просто встретилась лицом к лицу со своим заклятым врагом, но еще и выглядела при этом как черт знает кто.

Темные волосы Кэсси были покрыты толстым слоем пыли и казались почти седыми, на голове красовался красный платок, который она вытащила из коробки вещей на выброс.

В общем, выглядела она так, будто не смогла подобрать

нормальный костюм Клепальщицы Роузи² для тематической фотосессии.

Сходство завершал ее наряд, ведь для уборки Кэсси по глупости выбрала именно комбинезон. Он был слишком коротким и таким заношенным, что казалось, мог пойти по швам от любого неловкого движения. Но хуже всего было то, что ее задница в нем казалась еще больше и круглее, чем на самом деле.

Кэсси, конечно, на это было плевать.

Со временем ее задница даже стала ей нравиться.

Черт, иногда она даже ловила себя на том, что любит свое отражение в витринах магазинов – и задницей в том числе. Но Сету ее задница не нравилась. О да, она прекрасно знала, что он о ней думает.

Только вот у нее не было ни малейшего желания ни выслушивать его драгоценное мнение, ни смотреть, как он косится на нее сверху вниз и кривит губы.

Пусть только попробует.

Она знала, что не сможет сдержаться.

Боялась, что набросится на него с кулаками. Правда, добром для нее бы это точно не кончилось: с годами неуклюжий мальчик стал еще брутальнее, чем в старшей школе. Плечи его теперь были размером с хорошие булыжники, а ладонь,

² «Клепальщица Роузи» – картина американского художника Нормана Роквелла. Роузи в джинсовом рабочем комбинезоне и с красным платком на голове стала одним из самых известных агитационных образов времен Второй мировой войны.

которой он опирался о дверной косяк, по форме скорее напоминала лопату.

Одет он был...

Кожаная косуха. Под ней футболка хенли.

Завершали образ ботинки, которые выглядели так, словно он снял их с трупа какого-то байкера.

И это Кэсси еще не смотрела на его лицо – красивое до зубного скрежета.

Хоть она и терпеть его не могла, хоть ее и выворачивало наизнанку от одного его вида и она все бы отдала, чтобы вернуть мальчишку с огромными брекетами и в очках с толстенными, как доньшки бутылок, линзами, она не могла не признать: Сет был безумно красив. Эта четко очерченная челюсть, эти широко расставленные карамельного цвета глаза, которые, казалось, все время жаждали того, о чем неприлично и думать.

И эти губы.

Откуда у него такие губы?

Верхняя была бархатистой, как персик, а нижняя словно кривилась в презрительной усмешке, и из-за этого казалось, что он мог в любой момент тебя убить – но так соблазнительно, с такой нежностью, что ты сама позволила бы ему делать с собой все, что он пожелает.

А еще – как будто остального было мало – его волосы...

Эти густые, черные, спадающие на глаза волосы, выющиеся у линии подбородка и всегда безупречно обрамляющие

его широкий лоб. Раньше, когда они были намного гуще и он не делал безупречные укладки, она сравнивала их с вороновым крылом.

Тогда она могла позволить себе такие мысли.

А еще тогда она могла к нему прикасаться, не задумываясь о последствиях, – ну какие последствия могли быть от ее друга в очках с толстенными линзами. Казалось, раньше он даже не представлял, что у привязанности в принципе могут быть какие-то последствия. Раньше он просто хотел играть в *Mario Kart* и до хрипоты кричать от фильмов ужасов.

Того мальчика больше нет.

Этот мужчина сбросил его, как змея сбрасывает ненужную кожу.

И вместе с кожей сбросил ее.

Сейчас о том мальчишке напоминали только кривоватые резцы – их он так и не смог исправить. И именно их она увидела, когда он понял, что дверь открыла не Аделина, и у него отвисла челюсть.

– Кэсси, – сказал он. Раньше она никогда не слышала, чтобы он говорил вот так. Может, потому, что он не произнес ее имя, а почти выдохнул. Тяжело. Тихо.

«Он будто привидение увидел», – промелькнула мысль у нее в голове, и в какой-то степени это было правдой. В конце концов, он раз за разом убивал ее в старших классах.

Только вот она не умерла.

Она все еще была жива – просто скрывала то, что он в ней

убил, где-то глубоко внутри.

И сейчас она должна притвориться, что все это исчезло без следа.

Проще было сказать, чем сделать.

Кэсси потребовалась вся ее выдержка, чтобы просто посмотреть ему в глаза, не говоря уже о том, чтобы оставаться невозмутимой и спокойной. А ведь еще нужно было с ним поговорить, но как это сделать, чтобы не дрожал голос?

Казалось, это просто невозможно.

Но вдруг все случилось само собой.

Слова так и полились из ее рта.

И какие гадкие слова.

– Понятия не имею, зачем тебе нужна моя бабушка, но это неважно. Ты опоздал. Она умерла от сердечного приступа, – сказала она и тут же поняла, какую совершила ошибку. Она показала Сету Брубейкеру, что расстроена, и к тому же объяснила, почему именно ей плохо. Она сама дала ему оружие.

И была уверена, что сейчас он откроет огонь.

Вот сейчас.

Поэтому, увидев обеспокоенное выражение на его лице, она не знала, что и думать.

А он просто спросил:

– Умерла от сердечного приступа? Вот так просто? От сердечного приступа, не от чего-то еще? Когда это случилось?

Как будто его и правда это интересовало.

Даже больше. Как будто ему было настолько важно это

знать, что неизвестность буквально вгоняла его в панику. Почему? Неизвестно. Ему на нее-то было давно плевать, что уж говорить о ее бабушке. Черт, да Кэсси не знала, кому вообще было до нее дело. Даже родители Кэсси были о ней крайне невысокого мнения – в основном потому, что были полностью солидарны с остальными жителями их городка, а те считали бабушку очень странной и замкнутой женщиной. Бабушка всегда была готова прийти на помощь, но терпеть не могла дураков, на дух не переносила сплетни и большую часть времени старалась проводить в одиночестве.

Так что, когда Кэсси объявила родителям, что собирается вернуться в Холлоу-Брук, чтобы уладить бабушкины дела, сначала они не восприняли ее всерьез, а потом начали сердиться.

«Просто продай дом, не вздумай там ничего переделывать, – сказал папа. – А деньги вложи во что-нибудь полезное. Может, ты наконец-то возьмешь себя в руки и поступишь в колледж. Это надо было сделать еще восемь лет назад».

И она почти сделала, как он сказал.

Но потом подумала, что бабушка очень хотела, чтобы этот дом принадлежал ей, вспомнила то единственное лето, которое провела с ней, и просто не смогла. Не смогла от этого отмахнуться. Она должна была отдать ей дань уважения и погрузиться в приятные воспоминания.

Теперь за этот сентиментальный выбор придется дорого

заплатить.

– Кэсси, ответь. Ты уверена, что она умерла от сердечного приступа? Может быть, что-то его спровоцировало? – спрашивал Сет.

Вернее, почти кричал.

А она не собиралась дожидаться, когда это произойдет.

– Не твое собачье дело, – буркнула она.

И более того: она начала закрывать дверь прямо у него перед носом.

Закрывать дверь перед носом Сета Брубейкера.

Капитана команды по плаванию.

Короля выпускного бала.

Главного кандидата на титул первого красавчика вселенной.

Это было великолепно – хотя он явно не собирался сдаваться без боя.

Увидев, что она хочет закрыть дверь, он выставил руку, и теперь закончить начатое было не так-то просто. На самом деле, проще закатить на гору огромный валун, чем попытаться захлопнуть дверь, не обращая внимания на какую-то там вытянутую руку.

«Боже, каким он стал сильным», – подумала она.

Хотя поразило Кэсси не это, а тот факт, что сейчас он был даже выше, чем в старших классах. Чтобы посмотреть Сету в глаза, ей пришлось немного откинуть голову – и она тут же об этом пожалела, потому что выглядел он странно. Как буд-

то способен испытывать чувства, как все нормальные люди. И очевидно, связаны эти чувства были с ее бабушкой.

– Нет, это мое дело, – сказал он. – Она была моим другом.

И Кэсси могла бы ему поверить, казалось, он говорит вполне искренне.

Только вот это было невозможно.

– Моя бабушка никогда бы не стала дружить с таким, как ты, – сказала она. Она была в этом уверена, и ей казалось, что, услышав это, он уберет руку.

– Слушай, в школе я совершил ошибку, но это не значит, что я не заслуживаю помощи.

– Может, ты и прав. Но ты предал свою лучшую подружку, а потом выставил ее на посмешище на глазах у всей школы – вот почему ты не заслуживаешь помощи. Да, я понимаю, тогда мы уже не были друзьями. Тогда твоими друзьями были уроды, которые издевались над тобой до того, как ты стал крутым. Но я даже не представляла, как низко ты готов пасть. Мне и в голову не приходило, что ты будешь меня оскорблять – да еще и на глазах у всей школы. И что сделаешь ты это только для того, чтобы произвести впечатление на тех уродов.

Она все еще помнила тот день, словно это было вчера.

Шоу талантов, торт, вата, которую они сделали с бабушкой, – она еще меняла цвет по мере нанесения... Как красиво все это смотрелось в свете софитов, какое впечатление она тогда произвела на публику... а потом – свист микрофона и

голос Сета, доносившийся откуда-то из-за кулис.

Достаточно громкий, чтобы всем присутствующим в зале пришлось заткнуть уши...

Но недостаточно, чтобы исказить то, что он сказал.

Его слышали все.

Громко и четко.

Затем – оглушающая тишина...

И смех.

И в довершение всех бед – торт, который рухнул прямо на Кэсси.

«Они подстроили все так, чтобы он упал прямо на тебя, – в сотый раз сказала она себе. – Превратили тебя в героиню романов Стивена Кинга. Ты прекрасно знаешь это, потому что директор Сайкс узнал, как они это провернули, но от занятий их отстранили всего на несколько дней».

Кэсси снова попыталась закрыть дверь.

И Сет снова помешал ей это сделать.

– Я же тебе говорил... я не пытался ни на кого произвести впечатление.

– Ничего ты не говорил. Просто извинился. Разочек.

– Ладно. Ладно, я был неправ. Я совершил огромную ошибку, ты меня ненавидишь и теперь будешь ненавидеть всю жизнь. Ты имеешь на это полное право. Но прошу тебя, пожалуйста, хоть на мгновение забудь ты об этом, потому что мне нужно знать, что произошло. Правда. Расскажи мне хоть что-нибудь.

«Огромную ошибку, значит», – подумала она.

Сначала ей стало немного легче, но потом она обдумала остальные его слова и заставила себя подавить это чувство.

Потому что ему точно было что-то нужно от нее. Возможно, что-то плохое, раз он пытался ее обмануть, чтобы получить это. И теперь ей нужно было выяснить, чего он хочет, прежде чем он сможет как-то ей навредить. Даже если для этого придется довести ситуацию до абсурда.

– Ясненько. Я тебе расскажу, а ты будешь издеваться над ней даже после смерти.

Сет всем своим видом изобразил оскорбленную невинность.

– Думаешь, я настолько ужасный человек, что стану издеваться над умершими? И что же я, по-твоему, буду делать? Выкопаю твою бабушку из могилы, натяну трусы на голову и засуну в ухо наслюнявленный палец?

– Да, теперь именно так и думаю. Господи, да как тебе такое в голову могло прийти?

– Да как-то... Лучшего ничего не придумал.

«И ведь он вполне доволен собой», – отметила она.

Хоть и не понимала, чему он так радуется.

Он мог сказать что угодно – но теперь Кэсси от него не отстанет.

– Мог бы просто сказать, что помочишься на ее могилу.

– Это почти так же мерзко, как то, что придумал я.

– Или оскорбить ее призрак.

На это Сет презрительно фыркнул:

– Призраков не существует.

– Это не оправдывает желание засунуть слюнявый палец в ухо моей покойной бабушке, – сказала Кэсси, и до чего же приятно было видеть возмущение на его лице. Пожалуй, ради этого стоило дрожать под дверью как осиновый лист.

Но тут он снова начал спорить.

– Только вот не веди себя так, будто я уже это сделал. Или хочу сделать. Это был просто пример, потому что ты сказала, что я бы издевался над ней, – выпалил он, словно во всем была виновата она.

– Да, а теперь ты издеваешься надо мной.

– Я просто задал тебе вопрос.

– Пытаясь проникнуть в мой дом.

Конечно, она сильно преувеличивала. Не пытался Сет проникнуть к ней в дом. Он даже руку, которой держал дверь, попытался убрать, как только она начала его отчитывать. Она была почти уверена, что одного хорошего толчка будет достаточно, чтобы захлопнуть дверь.

Но вот что было странно: похоже, он и сам этого не понимал.

Он вздрогнул, словно только сейчас осознал, что делал.

Как будто его руки и ноги его не слушались.

Как будто кто-то пришел их к его телу, пока он спал, и теперь они сами собой придерживали открытые двери. И как будто таким неестественно высоким он стал именно из-за

них, а в один прекрасный день он и вовсе обнаружит, что они сами собой ковыряются у него в носу у всех на виду.

Странно все это было.

Очень странно.

Но стало менее странно, когда Сет сказал:

– Я не знал. Не понимал, что делаю. Я просто... думал... –

Он как будто забыл, как заканчивать предложения, начал делать паузы там, где их быть не должно, и обрывать фразы в самых неожиданных местах. В конце концов ей пришлось напомнить, о чем он говорил.

– Что ты думал? – спросила она.

Но толку от этого не было никакого.

– ...что мне пора идти, – сказал он.

И неожиданно начал пятиться назад.

Он спускался – а точнее, пятился – с крыльца дома ее бабушки и шлепнулся бы прямо на задницу, если бы не схватился в последний момент за перила. Но даже выпрямившись, он явно с трудом держался на ногах.

И в этом не было бы ничего необычного, если бы это не делал Сет Брубейкер.

Сет Брубейкер, парень, который никогда не ошибался. Который не ходил, а словно плыл по школьным коридорам. У которого всегда была идеальная прическа, а купальные шорты никогда не впивались ему в задницу. Который стал таким крутым, что Кэсси уже и не надеялась остаться его подругой.

Он ее предал. Окончательно и бесповоротно.

Но вот он устроил целое представление, пока уходил от ее дома. Представление настолько кошмарное и неуклюжее, что она чуть не задала ему очень странный вопрос. Вопрос, который не хотела задавать уже очень много лет.

«Ты в порядке? – думала она. – Мой заклятый враг, ты в порядке?»

Но, к ее облегчению, он ушел до того, как она успела это сделать.

Глава 2

Кэсси старалась не думать о Сете Брубейкере. У нее и без него хватало забот. Взять хотя бы горы разномастного хлама, который бабушка явно собирала долгие годы и который Кэсси находила в самых неожиданных местах.

Например, в туалетном бачке она обнаружила деньги.

Очень странные деньги, из стран, которых уже не существовало или, если верить «Гуглу», не существовало вообще никогда.

И ведь это была не самая странная из ее находок.

В подвале она нашла коробки, битком забитые куклами. Жуткими куклами, как в тех ужасниках, которые они с Сетом смотрели в детстве и от которых вопили от ужаса. Куклами с леденящим душу взглядом стеклянных глаз, редкими пучками волос на странных блестящих головах и телами, сделанными из чего-то страшно напоминающего мешки, найденные на ферме с привидениями.

Короче, эту коробку Кэсси обильно замотала скотчем и от греха подальше засунула в самый дальний угол подвала.

А затем открыла один из чемоданов. В нем был только череп какого-то животного. Очень странный череп, потому что Кэсси не смогла с ходу определить, кому он принадлежал. Скелет неведомого существа обнаружился почти сразу, в другом чемодане, который лежал прямо под первым. Уви-

дев там грудную клетку и четыре маленькие ножки, Кэсси подумала, что, наверное, это скелет какой-то мыши.

А может, и нет.

В итоге она решила не трогать содержимое чемоданов. Мало ли, вдруг, если бы она сложила кости вместе, они каким-то образом соединились бы и превратились в крошечного демона, который ночью проберется к ней в спальню и попытается обглодать ей лицо. Звучало, конечно, как полный бред, и Кэсси прекрасно это понимала, но отлично вписывалось в атмосферу этого места.

Но ее тревожили не столько эти странные находки и даже не жуткие щели, на которые она постоянно натыкалась во время уборки. В этом доме было невероятно шумно. Трубы стучали, даже когда по ним не текла вода, половицы скрипели, даже когда по ним никто не ходил, а лестница...

Лестница была достойна отдельного упоминания. Кэсси была почти на сто процентов уверена, что вчера ночью кто-то громко топал по ступеням, явно поднимаясь в спальню, и в конце концов она придвинула к двери древний бабушкин комод.

Правда, пользы от этого было мало, потому что после этого странные звуки начали раздаваться в спальне. Всю ночь Кэсси пришлось внимательно наблюдать за стоявшим в углу креслом-качалкой, и наутро она была такой уставшей, что случайно намазала маслом губку, а потом до самого вечера выковыривала изо рта желтые кусочки поролона.

В общем, она испытала огромное облегчение, когда наконец-то нашла в этом доме что-то нормальное.

Что-то, что напоминало о времени, которое она провела с бабушкой. Точнее, о времени, когда ее опозорили на глазах у всей школы. Тогда ей отчаянно нужно было отвлечься, и они с бабушкой подолгу возились на ее старенькой кухне, выдумывая самые безумные рецепты на свете. Результаты их кулинарных экспериментов были просто отвратительными и до жути нелепыми, но в каждом блюде был заключен особый смысл, который она до сих пор бережно хранила в памяти.

Например, однажды бабушка пожаловалась, что на улице очень холодно, и они испекли картофельный пирог, который Кэсси объявила лекарством от боли и страданий. Тогда бабушка съела кусок пирога и с энтузиазмом притворилась, что ей стало лучше, просто чтобы ее насмешить. Еще был сливовый пирог, который «вызывал дождь». Как же они кричали, когда после того, как они подкинули в небо крошки от этого пирога, и вправду начался ливень.

Конечно, Кэсси расстроилась, когда бабушка посоветовала ей не подходить к плите, если она не хочет кого-нибудь отравить, но все равно с удовольствием листала старые бабушкины блокноты в кожаных переплетах.

Перечитывала ее рецепты.

И разглядывала наброски, сделанные ее рукой.

Крошечные рисунки, лаконичные дополнения, безумные названия блюд.

Надпись над одним из рецептов гласила: «Суп для хорошего самочувствия», хотя Кэсси очень сомневалась в обещанном эффекте. Это же не рецепт вовсе, а полный бред, хоть она и не могла толком объяснить, что именно в нем не так. С какой стати бабушка подписала, что суп надо кипятить двадцать четыре часа, особенно если учесть, что главным его ингредиентом был чеснок?

А точнее, семнадцать зубчиков чеснока.

Почему именно столько, сказано не было.

Согласно рецепту, чеснок надо было бросить в кастрюлю прямо с кожурой, добавить к нему еще несколько ингредиентов в каких-то совершенно бессмысленных количествах, вроде «крупинки» розмарина и «дуновения» масла чили, а затем по какой-то непонятной причине бросить в это мерзкое варево молотые бобы, чтобы его «загустить».

Какие конкретно бобы нужно было добавить, сказано не было.

Как и то, каким образом они «загустят» обычную воду из-под крана.

Весьма интригующий рецепт, и почему-то Кэсси страшно захотелось его попробовать, просто чтобы посмотреть, будет ли результат хотя бы отдаленно напоминать суп. А вдруг он поможет ей пережить горе?

В одном Кэсси была уверена точно: если она займется тем, чем любила заниматься со своей странной бабушкой, это поднимет ей настроение.

Только вот кладовая была пуста.

И огромный холодильник тоже. Зато там стояла целая коллекция стеклянных банок без опознавательных знаков. В паре штук был странный серый осадок, который мешал разглядеть, что же было внутри. Впрочем, Кэсси и не горела желанием проверить.

Она просто вернула банку к ее неприятным товаркам, отправилась осматривать сарай, что стоял в глубине сада, и обнаружила там свой старый велосипед. Он стоял там же, где она оставила его много лет назад, и был почти в том же состоянии, что она помнила: блестящий, как звездочка, без следов паутины и хорошо смазанный маслом. Он даже ни разу не скрипнул, пока она выкатывала его из сарая.

Оставалось только вспомнить, как на нем ездить, что она и сделала.

Поначалу она ехала неуверенно, будто забыла, как это делается, но постепенно набрала скорость и пронеслась через последний холм, который переходил в Главную улицу. Черные волосы развевались у нее за спиной; карты Таро, которые бабушка просунула между спицами, яростно шелкали на ветру. И все вокруг размывалось в мелькающие цветные пятна и обрывки пейзажей.

Впрочем, она и так знала, что там: за те семь лет, что ее не было, здесь почти ничего не изменилось.

Вот старый кинотеатр – почему-то до сих пор не закрылся, несмотря на множество мультиплексов и стриминговых

сервисов и на то, что афиша, как обычно, пестрела орфографическими ошибками. Кэсси мельком прочитала заголовок: «Месяц классических фильмов ужасов», а под ним: «Кри», «Иствиские ведьмы», «Кэндилэнд», что значило, разумеется, «Крик», «Иствикские ведьмы» и «Кэндимэн».

А кто это там, в жилете бывшего менеджера мистера Маккеллена, открывает дверь? Не Мира ли Парвати? Похоже на то, но Кэсси ехала слишком быстро и не успела толком ничего разглядеть. Заметила лишь взъерошенные черные волосы – и вот, мимо проносятся библиотека, крошечная городская ратуша и офис *The Hollow Brook Gazette*. До боли знакомые места, хотя теперь там работали совсем другие люди.

Мама рассказывала, что мэром вместо краснолицего хвастуна Артура Долларда стала суровая пожилая дама по имени Кэти Йейтс. А Табита Кендалл, которая в детстве рассказывала Кэсси и другим ребятишкам сказки – всегда сложив на коленях темные руки и никогда не заглядывая в книгу, – наконец-то вытеснила обвешанную жемчугами кудрявую гримзу миссис Вернон.

Во всяком случае, именно так было написано в свежей статье на сайте *Gazette*, которую Кэсси прочитала сегодня утром. «„Комитет борьбы за чистый город“ снова устроил цирк», – гласил заголовок, неожиданно забавный для такой серьезной темы: в статье говорилось, как деятельность миссис Вернон в упомянутом Комитете и выдвинутая им инициатива по запрету книг привела к ее краху.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного, учитывая мерзкий характер миссис Вернон.

И автора статьи. Марли Мейплз – умная, как черт, и нахальная, как сексуальная мультяшная кошка. Кэсси очень хотела с ней подружиться, когда они учились в старшей школе.

Но, разумеется, боялась даже подойти к ней.

«Похожий заголовок Марли наверняка придумала бы и обо мне: „Толстушка-неудачница опозорилась на школьном конкурсе талантов“», – подумала Кэсси, сбавляя скорость, чтобы разглядеть промелькнувшие в окне редакции черные волосы Марли и ее бледную щеку. А затем начала интенсивнее крутить педали, словно скорость могла помочь ей выбросить эти мысли из головы.

Хотя впереди ее ждало еще одно напоминание о пережитых в школе страданиях. Возле входа в местный книжный магазинчик стояла девушка, с которой Кэсси почти подружилась в старших классах. Нэнси совсем не изменилась: она была все такая же жизнерадостная и румяная, с тем же вздернутым носиком. Казалось, на нее всегда можно положиться.

Так, Впрочем, и было.

После шоу талантов Нэнси звонила ей и даже прислала цветы – с запиской, в которой говорила, как ей жаль, что все вот так обернулось, и как ужасно, что ей пришлось это пережить. Но тогда Кэсси была не в состоянии ей ответить, потому что еще не оправилась от пережитого стыда и боли.

Постепенно их общение сошло на нет.

По крайней мере, так ей казалось.

Но все же, когда она проезжала мимо, Нэнси подняла голову.

И она широко улыбнулась и начала махать ей как помешанная.

«Надо бы ей позвонить», – подумала Кэсси и тут же представила, как все идет наперекосяк. Как ее отвергают, обижают, унижают. Как она снова впускает кого-то в свое сердце и ее снова предают.

Ну уж нет.

Ей было хорошо и так.

Хорошо уходить, пока все не полетело в тартарары.

Хорошо без близких друзей, без постоянной работы.

И будет еще лучше, когда она отсюда уедет.

Но как же здесь все-таки красиво.

С растущих вдоль дороги деревьев уже начали облетать красные и желтые листья – одни кружились в воздухе, когда она проезжала мимо, другие лежали аккуратными, словно специально собранными ворохами. И хотя утро было в самом разгаре, на ветвях деревьев все еще мерцали гирлянды.

Как будто темные октябрьские ночи тянулись намного дольше, чем следовало.

Они придавали городку едва уловимую, зловещую атмосферу, которую только усиливала деревянная эстрада в самом центре. Кто-то украсил ее разномастными тыквами и

везде повесил гирлянды из плюща и паутины.

«Искусственная, наверное», – подумала Кэсси, но на долю секунды все же засомневалась.

А как только она решила, что с головой погрузилась в атмосферу осени, она уловила запах. Запах костра, жженой карамели и чего-то восхитительно пряного – наверное, сидра с гвоздикой. Или какао с корицей и мускатным орехом. Или пончиков из новой кондитерской.

Особенно сильно он чувствовался возле придорожного магазинчика – настолько сильно, что Кэсси даже подумала, что пахло оттуда. А вдруг Ханниган на старости лет все же смягчился и начал продавать сладости? Или хотя бы перестал считать конфеты изобретением дьявола. Пора бы, в его-то возрасте...

Но потом Кэсси толкнула дверь – она все так же заедала внизу, – и все встало на свои места. Сюда и раньше побрезговали бы заходить даже амиши³, а теперь здесь стало еще хуже, чем во времена ее детства. Судя по всему, сейчас Ханниган перестал продавать даже соленую лакрицу, для которой когда-то сделал исключение.

Только капусту.

И картошку.

А за картошкой стояло несколько мешков того, что, как

³ Амиши – религиозное христианское движение, его представители отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать многие современные технологии и удобства.

надеялась Кэсси, было мукой.

Но, скорее всего, это было зерно, которое еще надо было перемолоть.

Мистер Ханниган всегда любил порассуждать, как просто людям живется в наше время. С годами эта уверенность только росла, судя по тому, что он стал главой того комитета, ратующего за чистоту города. Не говоря уже о том, какие объявления висели в его магазине.

«Трогать продукты строго запрещено. Нарушители будут наказаны», – гласило одно из них.

И второе: «Оставляем за собой право попросить покинуть магазин покупательниц в юбках выше колен».

И тут появился он сам, страшный, точь-в-точь как в детстве.

Он был таким тощим, что при определенном освещении походил на скелет, и таким высоким, что нависал над ней, даже стоя за огромным прилавком. У него был страшный, растянутый в гримасе рот – скорее всего, из-за его зубов, которые по размеру и форме больше напоминали надгробные плиты, а еще потому, что его глаза всегда были холодными и пустыми.

И вот этими холодными, как две старые монеты, глазами, он смотрел, как она подходит к прилавку.

И взгляд его стал еще холоднее, когда она сказала, что ей нужно.

– Чеснок? – рявкнул он, будто она попросила у него что-то

страшное. А затем отчеканил: – В этом магазине такая дрянь не продается, Кассандра Кэмберуэлл.

Конец предложения оказался гораздо неприятнее его же начала. Он помнил ее имя, даже спустя столько лет. И фамилию тоже.

И произнес их так резко, будто замахивался на нее каким-то оружием.

«Он будто собирается выпороть меня до полусмерти», – подумала Кэсси, поспешно ретируясь из его магазина, пока он и вправду не попытался это сделать.

В конце концов, это не единственный магазин в Холлоу-Бруке.

Она поехала на рынок на окраине города и купила там чеснок, свежий хрустящий хлеб, головку сыра и всякое такое, благодаря чему начала чувствовать себя странницей из фэнтези страниц тысяч так на семь. Закупившись, она поехала обратно с чувством, похожим на удовлетворение.

Все было хорошо.

Или скоро будет.

Она все утро старалась отвлечься от своего горя и не вспоминала про Сета Брубейкера и его странные делишки, пока не пошла парковать велосипед за дом.

И не увидела... Сета Брубейкера.

Занятого странными делишками.

Откровенно говоря, это словосочетание не очень подходило для описания открывшейся перед ней картины. Оно

бы больше подошло злодею из детского мультфильма. А это... это было сценой из какого-нибудь высокорейтингового фильма, не меньше. Он вполне мог бы сойти за героя сериала «Мыслить как преступник» – и дело было не в темной одежде, сердитом выражении лица и хмурым взглядом.

А в том, что он и был преступником.

Потому что пытался залезть в окно ее гостиной.

Притом что это окно было почти в двух метрах над землей. Наверное, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы туда забраться. Что ж, тем хуже для него: во-первых, он не сможет быстро спрыгнуть на землю и убежать в лес... хотя неторопливо удалиться, пока она будет ошеломленно смотреть ему вслед, задаваясь вопросом, что же это, черт побери, было, он тоже не сможет.

А во-вторых – и это самое важное, – он не сможет придумать отговорку.

Потому что тут невозможно оправдаться. Самое интересное, что, судя по выражению его лица, он прекрасно это понимал, но все равно попытался залезть к ней в дом.

– О, Кэсси. Привет, – сказал он.

Сказал, к его чести, довольно жизнерадостно.

И даже умудрился помахать ей рукой, как будто они просто столкнулись на улице, хотя было совершенно очевидно, что Сет Брубейкер выжил из ума.

Он совсем слетел с катушек, а ей теперь нужно это как-то до него донести.

– Сет, ты вообще понимаешь, что твоя нога находится в доме моей бабушки? – спросила Кэсси.

Но даже после этого он попытался сохранить иллюзию непринужденной беседы.

– Да, конечно. На самом деле, я как раз собирался ее оттуда убрать.

– Хорошо. Хорошо. А знаешь, что было бы еще лучше?

– Полагаю, что да, но, кажется, ты все равно собираешься меня просветить.

– Не засовывать ее туда!

– Да. Примерно этого я и ожидал.

В подтверждение своих слов он кивнул, но по его голосу Кэсси поняла, что он уже смирился со своим поражением. Ему явно было очень неловко, а когда он наконец смог посмотреть ей в глаза, на его лице было написано: «Ну давай, добивай уже».

Это она и сделала.

– А сейчас я бы очень хотела услышать, что именно сподвигло тебя на этот идиотский поступок. Но учти, ради твоего же блага отговорка должна быть просто невероятной.

Она не ожидала, что он придумает что-то достойное, и как же она оказалась права.

– Справедливо. Но прежде я хотел бы уточнить, что конкретно ты бы посчитала невероятным в подобной ситуации? Просто чтобы понять, с чем я имею дело, – сказал он.

Вот урод... он попытался съехать с темы.

Но хуже всего было то, что ему это удалось.

– Например, что инопланетяне похитили твои ступни, но забыли снять их с твоего тела и протащили через окно моей бабушки, – сказала она и тут же об этом пожалела. Улыбку-то он сдержал, но в его глазах блеснул то ли восторг, то ли торжество, когда он услышал ее слова.

И она понимала почему.

Потому что она позволила ему увести разговор в другое русло.

Вот черт.

– А если я скажу, что все так и было, какова вероятность того, что это сойдет мне с рук? – спросил он.

Она просто не смогла удержаться:

– А какова вероятность того, что я назову тебя надежным и добрым человеком?

– Черт, да это самая невероятная вещь, которую я только могу себе представить.

– Точно. Довольно высоко на шкале «Черта с два».

– Даже эта твоя история про инопланетян звучит реалистичнее.

– Тогда советую придумать что-нибудь получше. – Кэсси постаралась придать своему голосу как можно больше презрения и для пушшего эффекта закатила глаза.

Но проблема в том, что он-то, кажется, воспринял ее слова всерьез. Для него это был вызов, и он с готовностью бросился в наступление.

Он нахмурился, задумчиво поднял голову в поисках вдохновения и наконец, спустя, казалось, целую вечность, щелкнул пальцами.

– Придумал! Я ходил во сне. А потом, не приходя в сознание, попытался влезть в окно дома твоей бабушки. Что скажешь? – Он явно приложил немало усилий, чтобы эта версия прозвучала правдоподобно. И на мгновение Кэсси даже почти ему поверила.

А потом вспомнила, что все это полная чепуха.

– Отлично. Здорово. Классно. Только сейчас день, половина второго!

– А может, я решил лечь спать пораньше.

– Что, прямо в полдень?

– Ну да, – ответил он.

Хотя было видно, что он сам себе не верил.

Он уже нахмурился и готовился услышать ее ответ.

А она была и рада:

– Сет, даже старики не ложатся спать в полдень.

– Ладно. Но я могу быть намного старше, чем выгляжу.

– Сет, мы были друзьями. Мы учились в одной школе.

Последнюю фразу она сказала тем же тоном, каким малышам объясняют, что цветные карандаши грызть нельзя. Только до Сета это, похоже, не дошло. В ответ он почти сразу же выпалил еще более нелепое:

– Ну, Эдвард и Белла тоже, а ему было сто лет.

И что на это можно ответить?

Разве что высказать все, что она об этом думает в самой уничижительной форме, на которую она способна.

– Ясненько, получается, ты вампир, у которого развилась какая-то необъяснимая разновидность нарколепсии, из-за которой днем ты ходишь во сне.

– Да. Нет. Да погоди ты. Давай вернемся к той реплике про школу – до того, как я все переиграл.

– Ты все переиграл, потому что никогда не мог придумать хоть что-то мало-мальски правдоподобное, когда приходилось врать. Судя по всему, с тех пор, как мы разговаривали в последний раз, ситуация стала только хуже. Черт побери, да как тебе вообще удавалось выходить из передраг? Нет, погоди, не рассказывай. Не хочу знать, что в старшей школе ты сказал маме, что твоя девушка залетела от святого духа.

Сет сильно смутился. Хотя Кэсси не была уверена, что могла бы отличить, когда Сет был искренен, а когда нет, учитывая, как сильно его смущала вся эта ситуация. Он так и стоял одной ногой в ее гостиной – вот настолько он был сбит с толку.

– Ты вообще о чем? Никто от меня не беременел. В старшей школе у меня и девушки-то не было.

Можно подумать, Кэсси вспомнила что-то, что произошло на самом деле, а не откровенно над ним издевалась. Хотя, наверное, то, что Сет этого не понимает, было вполне логично. Учитывая, каким он стал.

Вероятно, подобных разносов ему не устраивали уже мно-

го лет.

– Видишь ли, я точно знаю, что так и есть, но ты настолько не умеешь врать, что даже я начала сомневаться.

– Вот и зря, потому что я совершенно с тобой честен.

– Только не хочешь честно признаться, почему пытаешься залезть в спальню моей бабушки через окно, – сказала она.

И тут он поднял голову... и посмотрел на окно так, словно видит его впервые в жизни.

Хотя надо признать: повод для удивления у него действительно был.

– Это окно ведет в спальню твоей бабушки? – недоверчиво спросил он.

По-уродски сейчас вела себя именно она.

– Нет, я просто хотела посмотреть на твою реакцию. Узнать, начнешь ли ты притворяться, будто это знал.

– Но зачем?

– Потому что я уже начинаю подозревать, что ты с ней спал.

Это предположение явно очень его задело. Именно такой реакции Кэсси ждала с тех пор, как впервые увидела его на пороге своего дома. Пока он спускал все на тормозах, вместо того чтобы реагировать на ее провокации, но это совсем не было на него похоже, и Кэсси никак не могла понять причин такого поведения.

Она думала, что Сет показывал свою слабость.

Но это же просто глупо.

– Я с ней не спал! Ты вообще понимаешь, какая у нас разница в возрасте? – взорвался он. В его голосе появилась хрипотца, глаза засверкали, а тело начала колотить крупная дрожь – он даже несколько раз ударился об оконную раму, пытаясь вытащить из нее ногу.

Но, что самое удивительное, он не начал читать ей гневную отповедь, даже поставив вторую ногу на землю.

Он вообще ничего не сделал.

Просто буравил ее злобным взглядом.

Но очень быстро взял себя в руки, сделал несколько глубоких вдохов, и от вспышки гнева не осталось и следа. А после этого случилось нечто еще более странное: Кэсси даже не сразу поняла, что произошло, хоть прекрасно его слышала.

– Знаешь что? Забудь об этом. Просто забудь, – сказал Сет, и она с удивлением поняла, что он давно смирился с происходящим. Это было понятно по его голосу, по выражению лица. Как будто по какой-то необъяснимой причине у него кончились силы и он не хотел продолжать спорить.

Хотя спорить с такой, как она, было проще простого.

Когда-то это ему даже нравилось.

А сейчас он ведет себя диаметрально противоположно.

«Он будто постарел на тысячу лет», – промелькнула мысль у нее в голове.

Очень странная мысль, но она видела, что это правда. Его кожа была нездорового серого оттенка, под глазами легли темные тени, а сам он осунулся и казался намного старше

своего возраста.

И из-за этого она смягчилась, хоть и против собственной воли.

– Как же я забуду, если ты так и не сказал, что тебе нужно, – сказала она.

Но Сет либо не расслышал мягкости в ее голосе, либо слишком погрузился в свои мысли и не обратил на нее внимания.

– Ничего. Твоя бабушка хотела дать мне одну книгу. Но ты имеешь полное право не делать этого, – сказал он, и в голосе его было такое отчаяние, что она даже не смогла усомниться в его словах. Несмотря на то что речь шла о книгах, обещаниях и других вещах, на которые Сету Брубейкеру давно было плевать, она чувствовала, что он говорил правду.

И это потрясло Кэсси.

Ей захотелось спросить, какая книга была ему нужна. Наверняка один из бабушкиных блокнотов с рецептами.

«А может, он тоже хочет сварить „Суп для хорошего самочувствия“», – подумала она, и ей захотелось посмеяться над собой из-за этой мысли.

Только проблема была вот в чем: она не могла.

Просто не могла.

Потому что где-то в глубине души она чувствовала, что это правда.

Истинная и неопровержимая.

Чувствовала – и понятия не имела, что делать. Это шло

вразрез со всем, что она о нем знала, всем, что она от него ожидала. И когда Кэсси наконец смогла сформулировать внятный вопрос, он уже направлялся к лесу, как будто заранее знал, что не сможет достичь своей цели, и не видел смысла продолжать разговор.

А она впервые за много лет...

...Действительно хотела с ним поговорить.

Глава 3

Удивительно, что Кэсси удалось уснуть после этой встречи с Сетом, но она точно знала, почему резко села на кровати, когда на улице была глубокая ночь.

Из-за шума.

Шума, к которому она так и не смогла привыкнуть, из-за которого ей все время казалось, что она живет в доме с привидениями.

И который доносился со стороны лестницы.

Спустя какое-то время шум повторился – но теперь ближе.

И это был не призрак.

Не демон.

И не существо из пятого измерения.

В этот проклятый дом кто-то залез.

Кэсси была в этом совершенно уверена, хоть и отчаянно пыталась убедить себя в обратном.

«Ты просто придумываешь новые угрозы, потому что привыкла, что здесь все время происходит какая-то жуть», – промелькнула в голове неожиданно спокойная мысль.

Но успокоиться не получилось.

Не получилось.

Не получилось, потому что она снова услышала шум, только на этот раз он был намного, намного громче, как буд-

то кто-то передвигал тяжелую мебель. Или что-то куда менее безобидное... Возможно, даже ужасное. Например, труп. Или даже мешок с расчлененным трупом. Или что-то большое. Что-то, с помощью чего ее порубят на куски.

«Топор, – промелькнула мысль в голове Кэсси, – такой огромный, что приходится волочить его за собой, пока не найдется кто-то, на ком можно было бы использовать».

И теперь она могла думать только о том, как незваный гость заносит тяжеленный топор над ее головой.

Могла только сидеть.

И ждать смерти.

«Так, ну-ка вставай», – скомандовала она себе.

И каким-то невероятным образом у нее получилось. Она дрожала от страха как осиновый лист, но все же смогла опустить ноги на пол – что и в обычных обстоятельствах было непросто, потому что она до чертиков боялась того, что пряталось под гигантской латунной кроватью, – и на цыпочках пошла в сторону коридора.

Но тут же врезалась в стоявший рядом с дверью стол.

Она успела подхватить его до того, как он с грохотом упал на пол, – но теперь незваный гость точно знал, что она не спит.

Кэсси замерла.

Застыла как статуя.

Задержала дыхание.

Почувствовала, что ее прошиб ледяной пот.

И все это без толку, потому что выйти из комнаты все равно придется, а защищаться ей нечем. У нее не было ни большого ножа, ни бейсбольной биты. Только тяжеленная вешалка для шляп, которая стояла в углу комнаты.

Она чуть не упала, когда попыталась ее поднять, но, оказавшись в коридоре, порадовалась, что все же решила взять ее с собой: она была длинной, прочной и с множеством зубцов на конце. Если кто-то решит на нее напасть, у него могут возникнуть небольшие проблемы. Скорее всего, она успеет хорошенько надавать незваному гостю по яйцам, прежде чем он порубит ее в брюссельскую капусту.

С этой обнадеживающей мыслью Кэсси пошла вперед.

Она кралась по коридору с вешалкой для шляп наперевес, настороженно высматривая в темноте маячившую там тень незваного гостя. Добравшись до верхней ступеньки лестницы, Кэсси снова застыла: через окно кухни лился яркий лунный свет.

И она была совершенно уверена, что сейчас увидит этого страшного человека во всей красе.

Ей понадобилась вся ее выдержка, чтобы выглянуть в прихожую. Она постаралась сделать это так, чтобы ее не было видно с первого этажа, даже дыхание затаила.

Но не увидела ровным счетом ничего. Ни убийцы с топором. Ни топора. Ничего, что бы указывало, что в доме в принципе кто-то был.

Кэсси уже выдохнула от облегчения, но тут заметила его.

Участок на полу между арками, ведущими на кухню и в гостиную, который был темнее, чем обычно.

И тут она поняла.

Это был люк, ведущий в подвал.

Люк, который она закрыла, прежде чем пойти спать.

Но теперь он был открыт, и проход вниз зиял, как пасть изголодавшегося зверя, в которую вот-вот угодит долгожданная добыча.

Вот черт.

В голове начала складываться последовательность действий: если он в подвале, наверное, она успеет добраться до двери. А может, даже добежит до велосипеда и доедет туда, где есть связь.

Только вот чтобы это сделать, нужно было обойти вход в подвал.

А этого она боялась.

Боялась настолько сильно, что ей пришлось буквально заставить себя поставить ногу на первую ступеньку.

А другую ногу заставить следовать ее примеру.

И хотя после этого процесс пошел гораздо быстрее, ей потребовалось целых пять минут, чтобы наконец спуститься на первый этаж. И еще пять, чтобы начать обходить вход в подвал. И все это время она обливалась холодным потом и дрожала от ужаса. Даже ее железная хватка на вешалке для шляп начала ослабевать.

Еще немного, и она бы выпала у нее из рук.

В этот момент незванный гость бросится наверх.

А она будет совершенно безоружна.

«Беги», – приказала она себе. И как это было заманчиво. Дверь совсем рядом, он где-то в подвале. Попытаться стоит. Можно даже попробовать закрыть люк в подвал и придвинуть на него комод.

Но до того как она успела воплотить эту задумку в жизнь, она бросила испуганный взгляд вниз, и...

Ну конечно. Как же она сразу об этом не подумала.

В ее дом залез не маньяк со здоровенным топором и даже не вор.

О нет. Нет, нет, нет, нет, нет.

Это был Сет Брубейкер.

Сет, мать его, Брубейкер каким-то неведомым образом умудрился проникнуть к ней в дом посреди ночи, зачем-то забрался в ее чертов подвал и как ни в чем не бывало копался в ее вещах. Как будто так и должно быть. Только, разумеется, так быть не должно. Кэсси буквально не могла поверить своим глазам и даже начала спускаться в подвал, чтобы убедиться, что это не обман зрения.

Не то чтобы это как-то ей помогло, потому что теперь она видела, что это он, так четко, будто кто-то против ее воли приставил к ее лицу подзорную трубу. И теперь она не могла отрицать не только его присутствие в доме, но и другой очевидный факт.

Сету было плохо.

Очень плохо, потому что его лоб покрылся испариной.

Хотя нет. Это была не испарина. Он был мокрый от пота с головы до ног. Кэсси видела, как капли стекали по его шее и блестели между его носом и верхней губой. Но самым странным было то, что потом были покрыты даже тыльные стороны его ладоней, хотя Кэсси была совершенно уверена, что тыльные стороны ладоней потеть не могут.

Во всяком случае, у нее. Но сформулировать это в какую-то членораздельную мысль она не могла, потому что одним потом все не ограничивалось.

Он был очень бледным.

Не просто бледным, а пепельно-серым. Бледным как смерть... как там еще говорят, когда кому-то плохо?

«Он как будто из черно-белого кино вышел», – подумала Кэсси и ужаснулась тому, как хорошо подходило это описание.

Но еще сильнее ее ужаснула его левая нога. Она без конца билась в судороге, словно кто-то запускал в ней петарды. Эти судороги буквально на глазах перекинулись и на другие части его тела. Когда начала трястись его правая нога, Кэсси показалось, что Сету очень нужно в туалет – нужно настолько сильно, что Кэсси даже была готова позволить ему воспользоваться ее уборной.

К счастью, она еще не растеряла остатки здравого смысла и не стала ничего ему предлагать. Во-первых, ему определенно не надо было в туалет, а во-вторых, он вломился к

ней в дом посреди ночи и творил тут черт знает что. По-хорошему нужно огреть его по голове вешалкой для шляп, а не вежливо приглашать в уборную.

Особенно после того, как он заметил ее у входа в подвал и дернулся, как будто совсем не ожидал увидеть. Но самое интересное, что, увидев ее, он выпалил:

– Клянусь, я не ищу ничего запрещенного.

И это вместо того, чтобы извиниться или объяснить, какого черта он вломился к ней в дом, или хотя бы выслушать поток справедливых обвинений и только потом начать оправдываться.

Разумеется, Кэсси решила, что он, сам того не желая, себя выдал.

– А по мне, так ты только что признался, что именно за чем-то запрещенным сюда и пришел, – сказала она.

Но, как ни странно, Сета это нисколько не задело. Он раздраженно кивнул и нетерпеливо махнул рукой, словно у него не было времени на глупые разговоры.

– Нет, я же сказал, это не так. Чем ты слушала?

То есть сейчас он откроет огонь из всех орудий.

– Я тебя слушала, только вот ты вломился в мой дом посреди ночи, напугал меня до полусмерти, заставил спуститься сюда с вешалкой для шляп наперевес, а теперь с какого-то перепуга разговариваешь со мной сквозь стиснутые зубы, – сказала она. – Впрочем, разбираться в твоих мотивах у меня нет никакого желания.

Кэсси очень собой гордилась, и не только потому, что смогла перечислить все абсурдные проблемы, с которыми столкнулась по его милости, но и потому, что сделала это спокойно. Внешне она казалась совершенно невозмутимой.

Хотя внутри у нее разгорался самый настоящий пожар.

И было просто чудом, что она не выплеснула на него всю свою ярость.

Или не стукнула его вешалкой для шляп, которую все еще сжимала в руках.

Но, похоже, ему было на это плевать.

– Начнем с того, что я не разговариваю с тобой сквозь стиснутые зубы, – сказал он. – Я просто изо всех сил сжимаю челюсти.

Как будто самым возмутительным во всей этой ситуации было именно это.

– И как это улучшит твоё положение?

– Да не пытаюсь я улучшить своё положение. Я пытаюсь объяснить тебе, зачем пришел, так, чтобы это не звучало как полный бред. Слушай, мне нужно лекарство, и как только я его найду, клянусь, я сразу уйду.

– Ну полный же бред. У меня такое впечатление, что «лекарство» – это эвфемизм для чего-то странного, незаконного или очень страшного.

– В жизни не поверю, что ты думаешь, что твоя бабушка торговала чем-то таким.

– Пять секунд назад у меня этого и в мыслях не было. А

вот теперь я начинаю потихоньку сомневаться.

Он снова раздраженно выдохнул.

Только в этот раз как-то резко.

Отчаянно.

И это очень ей не понравилось.

В особенности потому, что когда он заговорил, то нотки отчаяния прорезались и в его голосе.

– Кэсси, ей было восемьдесят семь лет, и она любила смотреть телешоу, в которых рукодельницы делают макраме для собак, хотя у нее не было собаки. Ты сама понимаешь, как абсурдно это звучит?

– Понимаю, ага. А знаешь, что еще звучит абсурдно? Сет Брубейкер, который знает, как зовут мою бабушку и чем она увлекается, и который вламывается к ней в дом в три часа ночи! Но ты же здесь. Наверное, снова решил меня помучить.

– Кэсси, я не хочу тебя мучить. И никогда не хотел. Это просто происходит... против моей воли и вопреки здравому смыслу, – сказал он, и, господи... кажется, он говорил правду.

Сет стоял, грозно нахмутив свои темные брови, с искаженным мукой красивым лицом... и для пущей убедительности протягивал ей руку. Будь на его месте кто-то другой, она бы не усомнилась в чистоте его побуждений.

Но перед ней стоял он.

Это из-за него – ну, не только из-за него, но он сыграл в этом не последнюю роль – ей пришлось до конца школы

перейти на домашнее обучение. Это из-за него она поняла, что надеяться на что-то хорошее – все равно что навлечь на себя беду.

Поэтому она сказала:

– Возьми уже наконец себя в руки. Прекрати. Уходи отсюда. Немедленно. Не усугубляй ситуацию.

И вздрогнула от ужаса, услышав в ответ:

– Не могу. Я уйду, только когда найду то, за чем пришел.

– Тогда расскажи, что тебе нужно. Это в твоих интересах.

– Клянусь, ничего такого. Это совершенно законно, совершенно нормально и не вызовет у тебя желания меня убить. Просто мне кое-что нужно. Чтобы улучшить мое... состояние.

«Состояние», – в отчаянии повторила она про себя.

А ведь мало того, что она опустила свое оружие и начала задавать ему вопросы. Она стояла на последних ступеньках лестницы, ведущей в подвал. И начала с ним разговаривать.

Разговаривать так, будто он заслуживает сочувствия и помощи.

– И что же тебе нужно?

– Лекарство из натуральных трав. Или книга с его рецептом. Потому что... чем позже я его приму, тем больше вероятность, что я... что все... что я просто...

– Что? Что ты «просто»? Твоя кожаная куртка уже насквозь пропиталась потом – что может быть страшнее? – спросила она.

Поначалу она была весьма довольна собой, потому что эта реплика была обильно сдобрена сарказмом, но Сет запустил руки в волосы.

– Вот черт. О господи. Пожалуйста, скажи, что я еще не начал потеть.

– Я бы с удовольствием, но твоя промокшая одежда говорит сама за себя.

– Так, спокойно. Спокойно... Спокойно. Но ведь в остальном все в порядке, да?

Он смотрел на нее с такой надеждой.

С такой отчаянной надеждой, что Кэсси очень хотелось сказать ему «да».

Но вместо этого она поморщилась и не стала отвечать напрямую.

– Ну... Зависит от того, что ты подразумеваешь под «остальным».

– Как бы сказать... у меня же нормальный цвет лица?

«Вот черт», – подумала Кэсси.

– Ты знаешь, не совсем. Вот вообще ни капельки.

– Как будто я умер дней пять назад и просто об этом не знаю?

– Если честно, это еще слабо сказано. Я бы сказала, что ты умер в прошлом году, утонув в банке с серой краской. – Кэсси старалась говорить максимально непринужденно, но это не помогло. Услышав это, Сет совсем поник. Даже уголки его рта опустились вниз – прямо как у персонажа из мультфильма.

тика, испытывающего боль и разочарование.

Надо отдать ему должное: он быстро взял себя в руки, поднял голову и хлопнул в ладоши, как постаревший папаша, который собрался с прагматичным энтузиазмом решать возникшую перед ним проблему.

– Отлично. Вот как мы поступим. Точнее, вот как поступишь ты, и как можно скорее, хочешь ты этого или нет.

– Скорее нет, чем да.

– Примерно этого я и ожидал.

– А чего еще ты хотел? Когда я послушалась твоего совета в прошлый раз, надо мной смеялась вся старшая школа Холлоу-Брук.

– Я знаю. Знаю. Но честно говоря, я в панике из-за того, что ты не собираешься слушать меня сейчас. От этого вообще-то твоя жизнь зависит.

И хотя ей очень хотелось съязвить ему в ответ, она просто не могла этого сделать.

Потому что... это отчаяние в его голосе.

И этот умоляющий взгляд.

Сейчас он был очень убедителен – настолько убедителен, что это здорово выбило Кэсси из колеи. А к этому она была не готова. Неожиданно у нее так сильно вспотели ладони, что даже пришлось опустить вешалку для шляп.

Правда, Кэсси сразу об этом пожалела.

«Скоро она тебе понадобится», – раздался пугающий голосок у нее в голове.

Хотя говорить Кэсси старалась спокойно и со здоровым цинизмом.

– Ну хорошо. Выкладывай, что ты там напридумывал, – сказала она.

К счастью, Сет последовал ее примеру. Он тоже старался держаться непринужденно.

– Прежде всего тебе нужно вернуться наверх.

– Ясненько.

– И закрыть вход в подвал.

– Ну, в этом есть смысл. Зачем оставлять его открытым?

– А как только ты его закроешь, ты придвинешь на люк что-нибудь тяжелое.

– В этом смысла уже меньше. Ладно, допустим.

– А... еще кое-что. Все это будешь делать ты. А я останусь здесь.

Когда он говорил, Кэсси еще кривила губы в усмешке.

Но когда до нее начал доходить смысл его слов, усмешка медленно сползла с ее лица, потому что он хотел...

Хотел...

– Ты хочешь, чтобы я заперла тебя в подвале? – едва слышно спросила она.

Но хуже всего было то, что Сет начал кивать, когда она еще не закончила фразу.

– Именно так.

– И даже не объяснишь, почему я должна это сделать?

– Слушай, на это нет времени. У меня есть еще где-то се-

кунд тридцать, а потом начнется... в общем, мне очень не хочется, чтобы у тебя появился такой опыт. Тебе тоже. Поверь на слово.

– Какой такой опыт? – спросила Кэсси. – У тебя что, есть вторая сущность, которая из тебя вот-вот вырвется наружу?

Она пыталась шутить – по крайней мере, она так думала, – но сама слышала нарастающую панику в своем голосе, и от выражения его лица легче не становилось.

Он просто посмотрел на нее, а потом сказал то, что ее бешено колотящееся сердце и бурлящий желудок знали и так.

– Ты даже не представляешь, как близка к истине. Близка настолько, что, признаться, я понятия не имею, как ты обо всем догадалась.

Ей очень хотелось сказать, что она тоже не знает, но она не смогла. На самом деле она знала. Даже несмотря на то, что это было странно, просто невозможно и как будто из фильмов ужасов, она это чувствовала.

Черт побери, да она видела, что она права.

– Я догадалась, потому что ты обхватываешь себя руками, словно пытаешься удержать то, что рвется наружу. Ну правда, Сет, ты же так сильно прижимаешь к себе кулаки, что еще чуть-чуть, и выдавишь себе позвоночник.

– К вопросу о...

– Господи. Что ты хочешь этим сказать?

– Ты и сама знаешь. Ты же пятишься наверх.

«Ничего подобного!» – хотела возразить Кэсси, но, бро-

сив взгляд вниз, она поняла, что это не так. Она действительно старалась от него уйти. А оглянувшись, поняла, что его состояние, чем бы оно ни было вызвано, стало хуже. Сет начал медленно скрючиваться и оседать на пол, как человек, которого ударили ножом и который не мог стоять на ногах. Вскоре он лежал на полу, свернувшись в клубок и как бы прижимая руки к ране, – хотя Кэсси знала, что никакой раны у него не было.

Рождался тот ужас, о котором он говорил, только теперь его слова казались куда более правдоподобными.

Настолько правдоподобными, что она обеспокоенно вскрикнула:

– Боже мой. Неужели эта штука с позвоночником правда вызывает столько боли?

– Сказал бы, что нет, но, честно говоря, это меньшая из проблем, – ответил он.

И то, как он это сказал, заставило ее сделать еще один шаг вверх. Потому что это был уже не человеческий язык. Она даже не знала, правильно ли расслышала его слова через скрежет зубов и рычание.

Как ему вообще удалось это выговорить?

Выглядел он так, будто его вот-вот разорвет изнутри.

На его висках выступили вены, глаза были крепко зажмурены, изо рта почему-то потекли слюни. Как у животных с бешенством.

Кэсси крикнула:

– Так, все! Я вызываю скорую.

И повернулась, чтобы это сделать.

Но, услышав панику в его голосе, застыла.

Нет, скорее из-за того, что он вообще смог сказать хоть что-то.

– Нет. Не вызывай... нельзя... – выдавил Сет, хотя его лицо начало багроветь.

«Он будто с чем-то борется», – промелькнула у нее мысль, но она постаралась не думать, что это может быть. Без сомнений, это было что-то очень серьезное. И ужасное.

И Сет явно проигрывал эту битву.

Пока Кэсси стояла, оцепенев от страха и запутанных чувств к бывшему другу, он лежал на полу ее подвала, свернувшись клубком и обхватив голову руками.

И тут ее словно ударило током: он замер.

Это не к добру.

Больше не было слышно ни стонов, ни рычания.

Не было слышно даже его дыхания.

И Кэсси шагнула вперед, просто чтобы понять, дышит он или нет. Так ничего и не услышав, она наклонилась.

Вытянула руку.

Дрожащую, неуверенную руку.

Почти до него дотронулась – была буквально в считанных миллиметрах.

Почти ощутила жар его тела.

И тут он резко поднял голову.

Черт.

Вот черт.

Не может быть.

Что, черт побери, стало с его лицом?

Она в жизни не видела ничего подобного.

Кэсси с трудом сдержала крик. Это же просто невозможно. Казалось бы, это полный бред, но его лицо уже не было лицом.

Карамельные глаза Сета – когда-то такие знакомые – стали почти белыми, как будто из них каким-то образом выкачали цвет, а гладкий лоб, до этого совершенно нормальный, каким-то невероятным образом стал толще и тяжелее.

И да, глаза в очень редких случаях действительно могли менять цвет, но нельзя же вот так просто взять и нарастить на лице кость.

Это же невозможно. Просто невозможно.

Но она видела это собственными глазами.

И поменялся не только его лоб, все черты лица Сета стали больше: и челюсть, и скулы, и нос. Теперь они выступали так сильно, что его кожа казалась тонкой, как бумага. Как будто она была натянута до предела.

Но это же полный бред.

Только вот как будто этого было мало, поменялись и его зубы.

Она видела это, потому что он медленно растягивал губы в угрожающем оскале, и она увидела его идеально изогну-

тые, когда-то кривые резцы. Они тоже стали больше. Больше, толще... и наверняка острыми как бритва, как лезвие ножа, как осколки стекла. Как все, что может одним движением разрезать человека пополам.

Потому что так и было.

А судя по тихому рычанию, именно это он и собирался сделать.

Поэтому она сделала шаг назад, подняла руки и позвала его по имени:

– Сет.

Она не знала зачем.

Сет и раньше не хотел ее слушать – до того, как началось это, чем бы оно ни было. В таком состоянии он точно не стал бы ее слушать. Кэсси даже сомневалась, что сейчас он смог бы.

Эта часть его личности пропала без следа.

На ее месте появилось что-то другое.

Что-то дикое, что-то, что зарычало, услышав имя, которое он больше не знал.

И тогда она сделала единственное, что могла, – единственное, что имело смысл.

Она замахнулась на него вешалкой для шляп.

И, почувствовав, что вешалка на что-то наткнулась, бросилась вверх.

Так быстро Кэсси не бежала никогда в жизни. Она бежала, едва ощущая пол под ногами, хватаясь руками за ступеньки

и не обращая внимания на впивавшиеся в ладони занозы.

Но все равно слишком медленно.

А когда от коридора ее отделяло всего три ступеньки, кто-то схватил ее за лодыжку.

И она знала, что еще чуть-чуть – и ей уже не спастись, не вырваться. Но все же она пыталась.

Бросилась влево, вырываясь из горячей хватки существа, и резко дернула ногу к себе.

А когда это не помогло, она пнула его свободной ногой.

«Какое жалкое зрелище, – промелькнула в голове мысль. – Все равно что пытаться спихнуть с себя грузовик, который только что тебя переехал».

Но тут оно хрюкнуло и отшатнулось в сторону.

Кэсси увидела, как трясутся перила, как прямо ей на лицо сыпется осевшая на них пыль.

Увидела – и снова начала лягаться.

Она колотила существо свободной ногой и орала:

– Отпусти меня, засранец!

И господи, оно ее отпустило.

Кэсси не знала как, почему, но железный прут на ее лодыжке исчез, она была свободна, а до выхода из этого ужасного подвала осталось совсем чуть-чуть.

И у нее получилось.

Она ухватила за край люка и подтянулась – и все это запыхавшись от безумной, отчаянной схватки. И хотя ей сразу же захотелось окунуться в блаженную прохладу безопасного

коридора, она не стала этого делать, пока не захлопнула люк – и не заперла его на висячий замок.

На всякий случай.

Только, кажется, этого было недостаточно.

Вскоре кто-то заколотил по деревянному люку. Заколо- тил с такой силой, что Кэсси услышала характерный треск. И скрежет.

Как будто замок скоро не выдержит.

А потом Кэсси вспомнила, что говорил Сет.

Надо придвинуть на люк что-то тяжелое.

Так что она встала – встала, хотя ее трясло от страха, а тело ныло от боли – и, пошатываясь, подошла к комоду, сто- явшему у входа в гостиную. Снова услышав стук и скрежет металла, Кэсси толкнула комод.

«Господи, я не смогу, оно же тяжеленное, оно до меня до- берется, и мне придется смотреть, как мой бывший друг же- стоко меня убивает».

И вдруг комод поддался.

Скользнул на деревянный люк.

И наступила тишина.

Глава 4

Кэсси не понимала, как ей удалось заснуть, но она определенно заснула, потому что в какой-то момент обнаружила, что лежит, свернувшись калачиком, на полу у комода, надвинутого на люк, что ведет в подвал. И судя по всему, спала она довольно долго, потому что из окон кухни в коридор лился солнечный свет – яркие солнечные лучи, ласково согревающие ее замерзшую кожу и окоченевшие руки и ноги.

Но самое главное – на свету все казалось таким... нормальным.

У входной двери стояли ее туфли, те самые, в которых она вчера ездила в город.

На плите стояла кастрюля с бабушкиным супом, на кухонном столе валялся заляпанный фартук – обычное дело, когда она пыталась что-то приготовить. На полу лежала чесночная шелуха, то тут, то там виднелись капли масла чили.

И глядя на этот обычный, ничем не примечательный беспорядок, Кэсси не могла поверить, что то, что произошло ночью, ей не приснилось.

«Наверное, мне померещилось, – сказала она себе. – А у Сета просто съехала крыша. А я просто до чертиков испугалась здорового бугая, в которого он превратился, и напридумывала себе невесть чего».

Эта версия звучала вполне разумно – но Кэсси все равно

завизжала, услышав внизу глухой стук.

А когда стало очевидно, что это не стук, а звук поднимающихся по лестнице шагов, она, не задумываясь, крикнула:

– Сет Брубейкер, даже не вздумай подниматься вверх!

И к ее облегчению, внизу все затихло. Больше не было слышно ни шарканья, ни поднимающихся по лестнице шагов. Впервые за очень долгое время в доме повисла полная тишина.

Но спустя какое-то время эту тишину нарушило совершенно нелепое:

– Кэсси! Ты еще там?

Нет, не показалось. Он действительно ее звал. Интересно почему? Кэсси терялась в догадках. Для начала ему стоило объяснить, что, черт побери, произошло вчера ночью, но нет же, надо глупые вопросы задавать.

А ей теперь придется на них отвечать.

– Конечно! Я, вообще-то, у себя дома.

– Ну да, точно. Но я подумал, что после того, как я напугал тебя до полусмерти, ты могла сбежать в какое-нибудь безопасное место. Например, на другой конец света. Или в бункер со стальными решетками. Или на дно океана.

– Честно говоря, сомневаюсь, что это помогло бы.

– Точно. В этом есть смысл. Но я могу все объяснить.

– Скажешь, что я все неправильно поняла?

Ответом была тишина – неловкая, это было очевидно даже сквозь толстый слой дерева. Кэсси почти слышала, как он

шаркает ногой, красноречиво показывая: «Да, именно это я и собирался сказать!»

А мгновение спустя он выдал:

– Зависит от того, что именно ты видела.

– Как ты превратился в какое-то отвратительное существо.

– Отвратительное? Сильно сказано.

«Ну хоть не отрицает, и на том спасибо», – подумала Кэсси.

Но она была совсем не в восторге от его ответа. В основном, конечно, потому, что он подтвердил, что случилось. Сказал, что правда был каким-то... существом. И выбрал для этого самый раздражающий способ из всех доступных: решил потешить свое самолюбие. Чтоб его.

– То есть в моих словах тебя больше всего смутило именно это?

– Не вижу противоречий. Все остальное меня не задело.

Кэсси фыркнула – нарочито громко, чтобы он услышал.

– То есть пока не было задето твое эго, тебя устраивало, что ты превращаешься в какое-то странное существо, которое пытается есть людей?

– Так, ну во-первых, я не пытался тебя съесть. Просто не привык, что сочные девушки находятся рядом, когда я в таком состоянии, – сказал он. Кэсси готова была поклясться, что в этот момент он стоял с раздраженным выражением лица и размахивал руками, доказывая, что она не права. Хотя

добавил он только это: – Так что инстинкты быстро взяли надо мной вверх. Но клянусь, я бы не стал тебя кусать. Максимум бы легонько прихватил зубами.

Не удержавшись, Кэсси всплеснула руками.

– Легонько прихватил? Сет, ты вообще видел, какие у тебя отросли зубищи?

– Вообще я стараюсь на них не смотреть, но да, видел. Признаю, не самое приятное зрелище.

– Не самое приятное зрелище? Боже, какой же ты придурок. Да они размером с когти Фредди Крюгера.

– Да ладно тебе. Не такие уж они и страшные.

– А вот твоя нижняя губа после того, что ей пришлось пережить сегодня ночью, так не считает, – сказала она.

Предполагалось, что реплика будет язвительной, но тут Кэсси вспомнила, как в тот момент выглядела нижняя губа Сета. И нет, в этом не было ничего смешного. Это было жутко.

Содрогнувшись от ужаса, Кэсси снова захотела найти какое-нибудь оружие. И это желание только усилилось, когда она обратила внимание, что он не торопится ей отвечать.

«Наверняка сейчас он обдумывает еще одно ужасное нападение», – мелькнула у нее мысль.

Но тут он сказал:

– Однажды я проснулся без нижней половины лица.

После этого она уже ничего не могла с собой поделаться.

Кэсси отошла от люка, схватила вешалку для шляп, кото-

рая все еще стояла рядом с ней, и только потом ответила:

– И все же ты пытаешься преуменьшить то, что я видела прошлой ночью.

– Ну, я же не хочу, чтобы ты меня боялась.

– Знаешь что, Сет, этот поезд ушел.

– Ну так позволь мне вернуть его обратно на станцию.

– Ты уже ничего не сможешь сделать. Даже если бы и мог, я бы все равно поняла, что ты просто хочешь, чтобы я тебя выпустила, – сказала она.

Снова повисла тишина.

Достаточно красноречивая.

А потом Сет прочистил горло и выдавил:

– Ну... да. Да. Именно поэтому я и хочу, чтобы ты перестала меня бояться и начала мне доверять. Чтобы ты меня выпустила.

Зачем он это сказал? Это же ни капельки ему не помогло.

– И с чего же я должна тебе доверять? Что помешает тебе меня съесть?

– А вдруг я снова стал совершенно нормальным человеком?

– Ага. Только вот на слово я тебе не поверю.

– А что тебе еще нужно? Не похоже, что тут есть комитет, готовый за меня поручиться, – сказал он. Он снова замолчал, и она практически слышала, как он лихорадочно соображает. – Разве что вон те жуткие куклы. Но я очень надеюсь, что они не умеют разговаривать.

Кэсси с трудом сдержала смех.

– Может, и умеют. А вдруг они сейчас вылезут из коробки и сожрут твое лицо?

Из подвала донесся звук, похожий на полный ужаса стон, а когда Сет заговорил снова, Кэсси услышала сдавленный шепот:

– Черт побери, ну почему ты сказала именно это?

– Не знаю, Сет. Может, потому, что ты мой заклятый враг... Или потому, что ты ворвался в мой дом посреди ночи. Или потому, что человек, который с помощью своей сверхъестественной силы может сломать металлический замок, не должен бояться гребаных злобных кукол.

– Но я правда их боюсь, и виновата в этом ты. Помнишь, как ты потащила меня смотреть фильм, где они вытворяли всякие жуткие вещи? Я так и не смог забыть это зрелище.

Кэсси вспомнила тот день. Вспомнила не только тот фильм, но и то, что чувствовала, когда они совершали подобные вылазки. Как они прижимались друг к другу на разваливающихся креслах кинотеатра, совершенно забыв про попкорн. Как пах лосьон после бритья, который Сет стащил у отца, потому что решил, что так будет казаться старше своих одиннадцати лет. Как она прижималась щекой к его мягким, как сливочное масло, клетчатым рубашкам.

И как он редко, очень редко сжимал ее руку.

И как ей иногда казалось, что, возможно, она ему нравится.

Конечно, ей никогда этого не хотелось. И уж точно не хотелось сейчас.

Поэтому Кэсси постаралась взять себя в руки, выбросила из головы нахлынувшие теплые воспоминания и холодно процедила:

– Я поняла. То есть это я виновата, что скоро ты почувствуешь, как они касаются твоего лица своими крохотными фарфоровыми ручками. И кусают тебя своими крохотными фарфоровыми зубками. И облизывают своими странными фарфоровыми...

– Кэсси, пожалуйста, перестань. Просто выпусти меня.

– Я же сказала, на слово я тебе не поверю.

Сет застонал от отчаяния, и Кэсси снова услышала, как из подвала доносится шорох. Как будто он начал ходить туда-сюда или взъерошил волосы на затылке. А потом до него наконец дошло.

– Ладно. Ладно. А если я докажу, что я снова стал человеком?

– И как же ты собираешься это сделать? Предоставишь результаты последнего теста ДНК?

– Мой телефон еще не разрядился. Мы можем созвониться по видеосвязи.

– Сет, здесь нет сети. Наверное, потому, что в этом доме действительно водятся призраки.

Он снова замолчал – и Кэсси заподозрила, что, скорее всего, он проверял телефон. По крайней мере, судя по звуку, на-

поминающему стук пальцев об экран смартфона. Потом он разочарованно вздохнул, еще немного пошуршал, выкрикнул что-то, напоминавшее воодушевленное «Ага!», а потом, спустя, казалось, целую вечность, выдохнул:

– Я нашел «Полароид». Кажется, он еще работает.

– Здорово, но я не представляю, как это может тебе помочь.

– Я могу сделать снимок и передать тебе фотографию.

На это ей пришлось согласиться.

Это действительно была хорошая идея.

– Отлично. Вперед, – сказала она.

Кэсси услышала, как он потопал обратно в подвал. В тот самый подвал, в котором его могли поджидать самые разнообразные ужасы, хотя еще прошлой ночью это было не так. Вчера там, конечно, было жутковато, но это был всего лишь подвал. А теперь он стал другим. Стал порталом в другой мир.

И хотя Сет ей не нравился, это очень ее беспокоило.

Ей не нравилось, как он стучал, шуршал, пытаясь победить то, что таилось внизу. Дважды он сдавленно охнул. Она чуть было не спросила, все ли с ним в порядке, и сдержалась, только когда вспомнила, что ей должно быть на него плевать.

И все равно ждала, затаив дыхание.

Ждала, пока в щели между люком и полом не появилась фотография. Увидев ее, Кэсси напряглась, но по совсем другой причине. Потому что до этого он разговаривал с ней

очень искренне. Но что, если все это розыгрыш? Что, если он решил над ней подшутить и сфотографировал что-то ужасное?

«А что, вполне возможно», – подумала она, подбирая с пола полароидный снимок, который лежал картинкой вниз.

Она быстро перевернула фотографию.

На фотографии был Сет, с самой глупой и широкой улыбкой, которую она когда-либо у него видела. Эта улыбка была настолько широкой, что она хорошо видела оба кривых, слишком больших для его рта резца, которые он так и не смог исправить брекетами. Из-за этих резцов он даже на какое-то время перестал улыбаться, когда снял брекеты, – на случай, если улыбка выдаст, что не такой уж он и крутой.

Но, по-видимому, сейчас ему было на это плевать.

На фотографии он даже показывал большой палец, как будто сейчас ее доверие было для него важнее крутой улыбки.

Именно эта мысль заставила Кэсси подняться на ноги и начать толкать тяжелый комод, не обращая внимания на затекшие мышцы и возможные последствия таких упражнений. Сдвинув комод с люка, она кое-как открыла покореженный, но все же выполнивший свою задачу замок и подняла крышку. Подняла, хотя стук ее сердца отдавался в ушах.

И вот он. Совершенно обычный человек.

И даже больше.

Потому что он выглядел разбитым.

Измученным.

Уязвимым – настолько, что это задело бы даже ее. Задело бы – если бы не одна маленькая деталь, которую невозможно было проигнорировать.

– Ты серьезно? Почему ты в ночнушке моей бабушки?

Господи, он действительно надел ночнушку ее бабушки. И не просто ночнушку – на нем был самый настоящий шатер, в цветочек и с оборками на пышных рукавах и подоле. Больше всего он был похож на торт в витрине кондитерской.

Сет и сам это прекрасно понимал: как только она это сказала, его желтоватое лицо стало красным, а на смену благодарности пришло раздражение.

– Вот только не говори, что я сошел с ума. Либо так, либо сидел бы полностью голым.

– Но вчера вечером на тебе было много одежды. Хоть что-то должно было остаться.

Когда он вышел в коридор, она обвела его рукой, показывая, где должна была быть его одежда, однако это не помогло. В ответ Сет вздохнул и закатил глаза.

– Кажется, ты не до конца поняла, что произошло.

– Все я поняла. Твое лицо стало странным.

– Не только лицо.

– Так у тебя по всему телу клыки выросли? – спросила Кэсси.

Хоть она сказала это с невозмутимым видом, она явно перегнула палку и прекрасно это понимала. Хуже того, он тоже

это понял, потому что бросил на нее испепеляющий взгляд и сказал:

– Да ладно, могла бы придумать что-нибудь поинтереснее. Ты же миллион раз смотрела этот фильм. Черт, да ты же эксперт по такому кино. Помнишь, как мама узнала, что я хочу посмотреть один фильм, и унесла телевизор в сарай, а ты пересказала мне весь сюжет?

Кэсси вспомнила, как пересказывала ему сюжет того фильма, и этот момент всплыл в ее памяти даже ярче, чем то, как они ходили в кинотеатр.

Она вспомнила, как лицо Сета все сильнее кривилось от отвращения, пока она смаковала подробности сюжета. Вспомнила, как он пытался смеяться, как будто ему не было страшно, – но по его глазам она видела, что это не так. А потом, конечно же, он подкрался к ее окну, прямо как в фильмах, где парень приходит под окно девушки и признается ей в чувствах. Только вместо этого они спрятались в их обычном убежище, в ее шкафу, и, пока не уснули, обсуждали все способы, которыми могли бы друг друга спасти, если бы с ними произошло то же самое, что в «Оборотне».

Сейчас они как будто оказались в этом фильме.

В какой-то степени.

А она вела себя далеко не так, как ей бы хотелось.

– Ну... тогда же все было понарошку. А если я начну говорить все то же самое сейчас, все будет по-настоящему. По-настоящему! Меня к такому жизнь не готовила, – сказала

Кэсси, но Сет лишь пожал плечами.

– Ладно, я просто скажу это.

– Вперед. Только подбирай выражения.

– Это вряд ли возможно.

– Возможно все. Начни с эвфемизмов.

– И как же? Сказать: «Ты знаешь, каждое полнолуние ко мне приходят гости из Волкова»?

В голосе Сета слышались те же нотки отчаяния и раздражения, что она заметила еще пять минут назад, но загвоздка была в выбранных им словах. Это звучало очень забавно, так что теперь ей приходилось не только одергивать себя, чтобы не начать слишком ему доверять, но и сдерживать желание расхохотаться.

Она плотно сжала губы, потом, когда это не помогло, опустила глаза.

Но видела, что он уже заметил ее реакцию.

Видела по его довольному выражению лица.

И слышала по довольным ноткам в голосе.

– Эй. Да ты же пытаешься не рассмеяться.

Да чтоб его.

– Вовсе нет. Напротив, я трясусь от страха.

– Может, кого-то другого ты бы и смогла обмануть, но не меня. Хочу напомнить, что я десять лет был твоим лучшим другом. И я вижу, когда тебе весело.

– Может, с тех пор все изменилось.

– Ничего в тебе не изменилось.

– Хотелось бы мне сказать то же самое и про тебя.

– Потому что я стал человеком, к которому ты никогда не сможешь хорошо относиться?

Вот черт.

Это было больно – настолько, что боль казалась почти осязаемой.

Однако Кэсси не могла винить его. Это же правда. Она действительно никогда не сможет хорошо относиться к Сету. С этим ничего не поделать. Но почему-то сейчас ей очень этого хотелось.

Все это было так странно, так запутанно, что она понятия не имела, что делать. Мгновение она колебалась, разрываясь между негодованием, которое, по идее, должна была испытывать к мужчине, в которого он превратился, и желанием помочь стоящему перед ней уязвимому созданию.

Кэсси подняла бровь, а когда начала говорить, с губ сорвался хрип.

– Ну да, – сказала она. – А еще потому, что ты чертов оборотень.

Глава 5

Кэсси думала, что он хоть как-то отреагирует на ее слова, но он молчал, молчал так долго, что она уже начала мерзнуть. Ей почему-то казалось, что ему тоже холодно, ведь его ночная рубашка явно была тоньше ее сорочки, а из-под ткани виднелись, без сомнения, человеческие, хоть и очень волосатые лодыжки и ступни.

Сету наверняка было холодно, но он ее не торопил.

Он просто на нее смотрел.

Как будто ждал ответа.

Хотя на самом деле ответа ждала она.

Более того, она даже знала, что именно он должен ответить, и решила немного ему помочь.

– Сейчас ты должен сказать: «Господи, Кэсси, ты чего? Я не оборотень».

Но он никак на это не отреагировал. Не согласился. Не засмеялся. Более того, Кэсси даже показалось, что его лицо на долю секунды обиженно вытянулось.

– Поверь, мне бы тоже очень этого хотелось, – сказал он. – Но тогда я бы соврал.

– Раньше тебя это не волновало!

– Да. Вот, решил начать жизнь с чистого листа.

– Ага, честно и наглядно продемонстрировав мне, что ты сверхъестественное создание.

– На самом деле оборотни не относятся к сверхъестественным созданиям. Они больше похожи на зверей. А ты говоришь про вампиров, фей, может, еще привидений... хотя уверен, что привидений, скорее, относят к... к...

Сет осекся – и она точно знала, почему он замолчал. Она поняла, что происходит, еще до того, как он сказал:

– Так, пожалуй, на сегодня хватит, а то у тебя сейчас глаза вылезут из орбит.

– Еще бы, ты ведь сказал, что все, чего я боялась в детстве, существует на самом деле.

– Но в детстве ты не боялась вампиров, фей и привидений.

– А лучше бы боялась! Ты же утверждаешь, что они существуют. Существуют же, а, Сет? Отвечай! Немедленно! – Вопрос вырвался у Кэсси прежде, чем она успела прикусить язык и сдержать нарастающую панику в голосе. На самом деле сейчас ей больше всего на свете хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть. Не делать этого стоило ей очень больших усилий – неужели он на полном серьезе заявлял, что на свете существуют не только оборотни? Как будто оборотней было мало!

Но нет, он был совершенно серьезен.

Ей нужно было, чтобы он произнес это вслух.

Даже если сам он этого не хочет.

– Хорошо. Но позже. Намного позже.

– Нет, Сет, ты расскажешь все сейчас.

– По-моему, сначала тебе нужно успокоиться...

– И как ты предлагаешь это сделать? Ты только что перевернул мою жизнь с ног на голову! Ты же это понимаешь, да? Понимаешь, насколько все это ненормально? Вот ты живешь в обычном, ничем не примечательном мире, а вот твой заклятый враг заявляет, что сверхъестественные штучки, над которыми ты смеялась, когда смотрела «Баффи – истребительницу вампиров», существуют на самом деле!

Кэсси развела руки, словно ожидая, что он вложит в них ответы на все ее вопросы, но Сет только вздохнул. И закатил глаза.

В ответ на ее тираду он закатил глаза!

– Так, ну начнем с того, что на самом деле все совсем не так, как показано в «Баффи», – процедил Сет.

Как будто высмеивать надо было лишь неправдоподобие старого сериала, а не что-то более разумное. И конечно, теперь ей придется согласиться с предложенной им абсурдной, основанной на фильмах и сериалах оценке того, насколько на самом деле все хреново.

– И на что же тогда похоже? На «Другой мир»? «Леденящие душу приключения Сабрины»? На тот фильм, где вампиры едят всех подряд, потом превращаются в вампиров и едят тех, кого только что съели?

– Ты имеешь в виду «Воинов света».

– Сама разберусь. Просто скажи, как сильно мне стоит бояться.

– Непрерывного цикла вампирского каннибализма боять-

ся точно не стоит.

«Вот спасибо», – пронеслась у нее мысль.

Кэсси почти сразу же поняла, что он подстраховался и не стал объяснять, чего стоит бояться еще. А то, что он старался не смотреть ей в глаза, только подтвердило ее подозрения.

– Но и на «Семейку Аддамс» рассчитывать тоже не стоит?

– Наверное, нет, среди них попадаются те еще страшилища, – сказал Сет, но, заметив, как вытянулось ее лицо, поспешно добавил: – Но вот честно, из-за пугающей внешности я бы на твоём месте вообще не переживал. Ну то есть вампиры вообще не взаимодействуют с людьми, как это показано в фильмах и сериалах. Они просто... занимаются своими делами.

– Только вот им время от времени надо пить кровь.

– Ты права, но они могут пить любую кровь. По крайней мере, насколько мне известно.

– «Насколько мне известно» звучит не слишком убедительно, Сет.

– И как же мне тебя убедить?

– Для начала скажи, где находится их ближайший замок.

– Они не живут в замках, – как ни в чем не бывало ответил он.

Почему-то, услышав это, Кэсси оцепенела от страха. Она с полминуты смотрела на Сета в надежде, что все это розыгрыш и сейчас он начнет рассказывать про роскошные залы, старомодные сорочки и кубки, наполненные кровью убитых

людей.

Но он смотрел на нее так, будто выдал ей прописную истину, очевидную, такую, которую стыдно было не знать, – хотя, если бы не он, она бы в принципе не знала, что вампиры не просто существуют, но еще и не живут в огромных странных замках.

Так что она смогла ответить только:

– Господи, пожалуйста, скажи, что это неправда.

– Не могу, потому что это правда. У меня даже есть один знакомый вампир. Он снимает квартиру с двумя другими вампирами. Кстати, довольно убитую. И я все время думаю, как же так получилось, что за несколько сотен лет они так и не смогли накопить на нормальный дом. – Он вздохнул, покачал головой, ненадолго задумался и добавил: – Хотя, честно говоря, не уверен, что хочу знать ответ на этот вопрос. Учитывая, что как минимум один из них наотрез отказывается покупать телевизор, потому что все еще не понял, что те, кого показывают на экране, не живут внутри.

И что на это ответить?

И тут Кэсси осенило.

– То есть ты хочешь сказать, что ближе всего к реальности каким-то невероятным образом оказался «Что мы делаем в тени»? – спросила она.

К ее удивлению и ужасу, Сет просто пожал плечами.

Он. Пожал. Плечами.

И даже лицом себе помог: на полном серьезе поджал губы

и выпятил подбородок.

– Хотелось бы мне ответить, что это не так, но, запоем просмотрев сначала фильм, а затем сериал, я впервые за десять лет почувствовал, что хоть кто-то меня понимает, может быть, немного всплакнул и весь оставшийся день провел, лихорадочно гугля всех, кто был хоть как-то причастен к их созданию, и пытаюсь понять, не скрывает ли кто-то из них какой-то сверхъестественный секрет.

«Он плакал», – подумала Кэсси.

И ей снова стало его жалко.

Эта жалость охватывала ее стремительно, как внутренняя пандемия.

– И как? – спросила она. – Получилось что-нибудь найти?

– Ну... нет. Но это еще ничего не значит.

– Я не согласна. Должно же быть хоть что-то. Хоть какие-то признаки.

– Ты же знаешь, что их нет. И если ты помнишь, раньше мы с тобой частенько жаловались, что, мол, как же жалко, что мы не знаем, есть ли все это на самом деле. – Сет отвел взгляд.

Его глаза затуманились.

И Кэсси прекрасно понимала, в чем дело: сама она старалась не делать этого с тех самых пор, как увидела его на пороге своего дома. Он погрузился в воспоминания. Вспоминал, как они шептались, уютно устроившись в ее шкафу, в куче старой одежды, оберток от жвачки и крошек от попкор-

на. Вспоминал, как летом их кожа была липкой от пота, а зимой они дрожали от холода, просачивающегося через хлипкие окна ее спальни.

Она вспомнила, как однажды сказала: «Так обидно, что потусторонний мир – это выдумка».

И как Сет сказал ей что-то подобное, когда они нашли в лесу полое дерево. Они были уверены, что в стволе спрятано что-то жуткое, но нашли там только насекомых, мульчу и кусочки коры. Они проложили полый ствол дерева брезентом и сделали там убежище. И однажды, когда они в очередной раз скрылись от мира в его пыльном голубоватом полумраке, Сет рассказал ей, что почувствовал, когда впервые увидел, что там ничего нет: «Я думал, мы нашли проход в другой мир, но вместо этого – только гниль и рухлядь».

Когда Сет снова посмотрел на нее, она поняла, что была права. Он с головой погрузился в воспоминания. Кэсси поняла это еще до того, как он заговорил – тихо, с непонятной тоской:

– Здорово, когда рядом есть кто-то, кто тоже испытывает это разочарование. Кто-то, кто тебя понимает. Когда это случилось со мной, ты уже уехала.

Ей пришлось отвернуться, чтобы он не заметил, как ее глаза наполнились слезами. Потому что он был прав. Это и правда здорово. Только вот все это напоминало ей о том, чего уже никогда не будет. О разговорах, которые никогда не состоятся. О смятении, которое она переживала сейчас, ко-

гда оказалось, что то, о чем она не могла и мечтать, существовало на самом деле – и да, пугало, но в то же время поражало воображение. А еще наводило жуткую тоску, потому что почему-то казалось таким обыденным!

Это просто невероятно.

Дико.

Это...

Они должны были разделить эти моменты.

Но он пережил все эти мучения в одиночку.

– Я не виновата, что мы переехали. И я уж точно не виновата в том, что рядом с тобой больше нет человека, который бы тебя понял, – сказала она, и до чего же язвительной получилась эта фраза. Просто ужас. Но иначе она не могла. Не могла вот так взять и забыть все, через что ей пришлось пройти, и сделать вид, что теперь между ними все как прежде.

Скорее всего, ему было на это плевать, пусть его слова и говорили об обратном.

– Я знаю, – просто ответил он, пожав плечами.

И Кэсси поняла, что может смотреть ему в глаза.

– Как по мне, это ни хорошо ни плохо. В целом все как обычно. Ну напало на тебя отмороженное существо, ну начинаешь ты после этого потеть, кусать нижнюю губу и разрывать на себе одежду.

– Ага. И правда ничего странного. Совершенно нормальное явление.

– Ясненько. И ты просто занимаешься своими делами, как те вампиры, которые не живут в замке?

– Да. Черт возьми, большую часть времени я вообще не контролирую, что происходит.

– Ну, сейчас ты выглядишь так, как будто ничего не происходит.

– Ну да, разве что у меня рука вывернута наизнанку.

Сет сказал это весело. Как будто хотел пошутить.

Но тут ткань ночной рубашки скользнула в сторону, и Кэсси снова с трудом сдержала крик. Ей пришлось до боли стиснуть губы, но она все равно застонала от ужаса.

И вполне обоснованно.

Потому что если не приглядываться, то казалось, что его локоть застрял в каком-то рукаве.

Только вот рукав этот был не тканью, а кожей. Огромной открытой раной.

А еще Кэсси видела кости – много-много костей, которых там, вообще-то, не должно было быть. Как она вообще могла не заметить? Их ведь было видно даже из-под ночной рубашки. Кости были неправильной формы, неправильные... в принципе. И все это было так ужасно, что она даже не могла этого осознать.

Умом-то Кэсси понимала, что трансформации – не самый легкий процесс, но остальные ее чувства кричали, что сверхъестественное существует на самом деле, что человек может превратиться в совершенно другое существо, а еще

что Сет почему-то все еще был жив. С такой раной он давно должен был умереть. Должен был распластаться на полу.

Так что она не удивилась, когда он обмяк.

И все же распластался.

Глава 6

Плохо, когда у тебя в коридоре падает в обморок твой заклятый враг, оказавшийся к тому же оборотнем. Но хуже всего то, что оборотней в принципе не должно существовать. Для большинства людей их и не существовало, так что Кэсси даже не понимала, как помочь ему. Не открывать же инструкцию по оказанию первой помощи? Вряд ли там написано, что делать, если медицинская помощь нужна оборотню.

Позвонить в службу спасения она тоже не могла.

Но, несмотря на это – а также на то, что всего пять минут назад Кэсси поклялась, что не станет вникать в проблемы Сета, – она поймала себя на том, что снова поддается чувствам. Когда она увидела его на полу, такого бледного, мокрого от пота, помятого, у нее в груди что-то сжалось. К тому же сейчас, впервые за долгие годы, он был безумно похож на мальчишку, с которым она дружила до старшей школы. Черты его лица как будто смягчились, и от этого он казался моложе, чем был на самом деле.

Ему только очков не хватало, чтобы снова стать тем мальчишкой, которого Кэсси когда-то знала.

Эта мысль помогла ей взять себя в руки и начать действовать. Сделав несколько глубоких вдохов, Кэсси встала на колени рядом с его исполинским телом, дрожащими пальцами коснулась самой безобидной его части, руки, и не без труда

начала укладывать Сета на бок.

«И ничего сложного», – подумала она.

Но это было не совсем так, потому что, коснувшись его бицепса, она ощутила твердость и силу мышц Сета, и ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы все же уложить его тяжелое, мощное тело в правильное положение. А какой горячей была его кожа... если бы Кэсси не знала, в чем причина, она бы решила, что у него началась лихорадка.

«У животных температура выше, чем у людей», – промелькнула мысль в голове.

И именно в тот момент, когда Кэсси старательно корила себя за подобные мысли, она почувствовала его запах. Этот сладкий аромат она помнила еще с тех пор, как они были детьми. Только теперь запах был немного другим, потому что в нем чувствовались нотки теплого меха, вспотевшей на солнце кожи и... так, все, это уже слишком. Это перебор.

Ей не нравилось, что у нее возникали такие мысли.

И вообще, нужно было перестать к нему прикасаться.

Когда она трогала Сета, у нее возникало такое странное чувство... нечто подобное она испытывала, когда в подростковом возрасте случайно задевала его там, где не собиралась. Например, однажды, когда они были в библиотеке, она нагнулась, чтобы передать книгу с нижней полки, и случайно коснулась рукой его шорт. Кэсси так нравились те короткие шорты в стиле семидесятых.

С этой мыслью она подняла глаза...

И увидела, что Сет смотрит прямо на нее.

– Ты что творишь? – спросил он, и до чего же странно это прозвучало. Как будто он проснулся и застучал ее, когда она к нему приставала. А может, увидев румянец, который – она точно это знала – заливал ее щеки, Сет предположил, что это значит что-то другое, а не то, что значило на самом деле.

«Хотя все было совсем не так. Совсем не так, как он подумал. Я просто не привыкла к здоровенным парням, от которых пахнет так сексуально», – подумала Кэсси.

И с облегчением поняла, что, во-первых, эти нелепые мысли появились только потому, что она очень сильно нервничала, а во-вторых, Сет, к счастью, не умел читать мысли.

Он мог лишь услышать, что она говорит вслух, – а слова она подобрала очень тщательно.

– Вообще-то, я тут стараюсь, чтобы ты не помер.

– Щупая меня за бицепсы и задницу?

– Секундочку. Задницу я не трогала.

– Нет, но еще чуть-чуть, и до этого бы тоже дошло.

– Я как-то об этом не подумала. Наверное, потому, что мне пришлось двигать твою здоровенную тушу вот этими крошечными ладошками. И прежде чем ты начнешь комментировать размеры моих ладоней, вспомни, что я пыталась спасти тебе жизнь.

Кэсси с сердитым видом вскочила на ноги, твердо намереваясь убраться от него подальше, но Сет встал вслед за ней. Встал, как будто с ним все было в порядке – и он собирался

и дальше портить ей жизнь.

Конечно же, он с возмущенным видом потопал за ней на кухню.

– Так, ну во-первых, ничего подобного я делать не соби-
рался. У тебя чертовски милые ладошки, и я вообще не по-
нимаю, о чем ты говоришь, – раздраженно сказал Сет. А за-
тем, пока до нее доходил смысл его слов, пока она думала:
«Он что, считает мои ладони милыми?» – он выпалил: – А
во-вторых... ты правда пыталась спасти мне жизнь? Ты се-
рьезно боялась, что я умру?

Кэсси не знала, что на это ответить.

Потому что в его голосе как будто... как будто...

Как будто была надежда. Но Кэсси просто не могла поз-
волить себе в это поверить.

«Наверное, он бредит, – подумала она, – потому что у него
покалечена рука».

Она повернулась к Сету спиной, чтобы ее ответ прозвучал
убедительно и непринужденно:

– Ну да. На моем месте любой поступил бы так же. Ты же
упал в обморок.

– Да не падал я в обморок. У меня просто кончились силы.

– Прости, я не хотела говорить, что в тот момент ты был
таким же слабаком, как раньше. Уверяю, ты по-прежнему
здоровенный мачо, который может за секунду свернуть че-
ловеку шею.

«Так, это, кажется, перебор, – сказала она себе. – Сейчас

ответит что-нибудь в том же духе».

Но вместо этого Сет устало вздохнул:

– Кэсси, я не это имел в виду. И я не хочу быть таким.

– Ну хорошо, тогда скажи, каким ты хочешь быть.

– Не знаю. Таким, чтобы ты снова была со мной мягче.

Кэсси буквально слышала, как Сет пожимает плечами, как будто в этом признании не было ничего особенного. А от его слов она дернулась, как мультяшка, и задумалась. Она знала, что Сет сказал правду. Он был с ней совершенно искренен, как будто ему действительно понравилось, как она к нему прикасалась.

Как будто он совсем не злился из-за этого, но был удивлен и даже рад ее прикосновениям.

Он был так рад, что даже готов...

А что он был готов сделать?

Измениться, чтобы снова спровоцировать Кэсси на такое поведение? Похоже на то. Настолько похоже, что она не могла просто отмахнуться, съязвить ему в ответ. Теперь ей придется хотя бы попытаться вести себя так же ласково и принять его таким, каким он стал, пусть это пугало ее до чертиков.

– Да не было никаких причин быть мягче. Просто я бы все равно продолжила. Ну, то есть твоя рука выглядит просто ужасно, и с этим нужно что-то делать, пока у тебя не началась гангрена или что похуже, – сказала она.

Но, судя по ошалелому выражению лица Сета, ее слова

произвели совсем не тот эффект, на который она рассчитывала.

– Господи. Думаешь, это возможно?

– Это ты мне скажи.

– Да, но раньше со мной ничего подобного не случилось. А ты всегда хорошо разбиралась в подобных вещах. Помнишь, я упал с велосипеда и решил, что у меня отвалится нога? – спросил Сет.

Кэсси изо всех сил постаралась отогнать воспоминание, но безуспешно.

Как его нога тогда стала того же красного цвета, какой бывает у сырого мяса.

Как ее ладонь словно опять лежала на шершавом асфальте.

Как Сет боялся смотреть на ногу и как она пообещала сделать это за него.

Но она не могла ему уступить. Не могла – и все тут, потому что после этого ей пришлось бы обсуждать с ним все теплые моменты, что они пережили вместе.

– Но тогда ничем не помогла.

– Я помню иначе.

– Я просто держала тебя за руку.

– И позвонила в службу спасения.

– На моем месте любой поступил бы так же.

– А любой бы понял, что она сломана?

– Я не была в этом уверена. Просто предположила, и ока-

залось, что я была права.

– В таких вопросах ты много раз была права.

Теперь Сет смотрел прямо ей в глаза.

Как будто пытался заставить что-то понять.

Хотя едва ли это было что-то хорошее.

Поэтому Кэсси отошла от него. Как бы невзначай, как будто ей что-то надо было у раковины, хотя, разумеется, ей нечего было там делать. Она была почти уверена, что он заметил, как поменялось ее лицо, когда она отвернулась, и что он обязательно это как-то прокомментирует.

Она знала, что Сет собирался что-то сказать, еще до того, как услышала его голос.

– Держу пари, сейчас ты думаешь, что все это было пустой тратой времени, – сказал он.

Это было внезапно. Кэсси и не думала, что он способен понять такое. А теперь ей придется иметь с этим дело.

Даже несмотря на то, что ей было трудно смотреть ему в глаза.

– Я бы не сказала, что было это пустой тратой времени, – все-таки повернулась она к нему.

– А что бы сказала?

– Не знаю. Что жизнь такая. Бывают белые полосы, бывают черные. Что те, кто тебе дорог, могут оказаться совсем не такими, как ты думаешь. Что ты можешь надоесть им, и они перестанут с тобой общаться. Что иногда ты просто недостаточно хорош для них.

«Только не плачь, – подумала Кэсси. – Даже не вздумай плакать, поняла?»

Но она ничего не могла с собой поделать. Оставалось только скрыть свои слезы.

Да, возможно, она ошибалась и Сет не такой плохой, как она думала. И да, ему было очень нелегко. Но не так уж много он пережил, чтобы заслужить ее слезы. Он этого недостоин. Недостоин.

И позволять Сету видеть, как она плачет, небезопасно.

Даже несмотря на то, что он сказал:

– Господи, Кэсси. Так ты думаешь, дело в этом?

– Я не думаю, я знаю. Но ничего страшного.

– Плохо, что ты считаешь себя недостаточно хорошей для меня.

– А что, разве не так? Это же правда. Я была скучной занудой, а тебе хотелось тусоваться с крутыми ребятами. Ты не стал упускать выгодную возможность, и я тебя не виню. Мне бы просто хотелось... ну, понимаешь... чтобы ты...

– Не обращался с тобой как с дерьмом?

«И ему хватает наглости это признать», – пронеслась ехидная мысль у Кэсси в голове.

Можно подумать, она не знала этого раньше. Можно подумать, не жила с этим чувством, которое обострилось сейчас настолько, что хотелось сделать что-нибудь неразумное. Например, крикнуть ему в лицо: «Да не обращался ты со мной как с дерьмом, я тебя прощаю, давай снова дружить». Хотя,

скорее всего, ему не нужна ее дружба.

Сету нужна ее помощь.

Так что сосредоточиться нужно на этом.

Она вытерла слезы.

– Кажется, у нас есть более важные темы для обсуждений.

Например, что можно сделать, чтобы твоя рука не сгнила и ты наконец оставил меня в покое, – сказала Кэсси, поворачиваясь к нему.

И судя по облегчению, которое появилось на лице Сета, она смогла его отвлечь.

– Думаю, мне надо принять лекарство.

– Ты про то травяное средство, которое ты искал вчера вечером?

– Да. Именно. Ты все правильно поняла.

Сет щелкнул пальцами в ее сторону.

– Так. То есть то самое, что готовила для тебя моя бабушка.

– Да, готовила.

– Потому что знала, что ты оборотень.

– Ну конечно, знала. А ты что думала?

– Даже не знаю. Уж точно не думала, что моя бабушка была ведьмой, – сказала Кэсси. У нее даже получилось изобразить спокойный голос. Но он все равно вздрогнул, услышав ее ответ. Как будто до него только сейчас дошло, что она ничего не знала и не понимала, что происходит.

А его попытки все ей объяснить только больше запутыва-

ли.

Так что не было ничего удивительного, что Сет попытался сгладить обстановку. Он выставил руки перед собой и сказал:

– Я бы не сказал, что она была ведьмой. Скорее, травницей.

Какой же он все-таки недоумок.

– То есть ты на полном серьезе считаешь, что можешь бросаться в меня какими-то непонятными словечками, и я тут же начну воспринимать эту новость как должное? Ты же понимаешь, что это только усугубляет ситуацию? У вас даже классификация есть!

– Когда ты говоришь про классификацию, кажется, что речь идет о чем-то сложном и важном, хотя на самом деле травницами называют людей, которые мало-мальски умеют использовать магию. Они повторяют то, что придумали настоящие ведьмы, и оно как-то да работает. Короче, хотя бы немного, но пользуются колдовством.

– И что же, настоящая ведьма оставила здесь свою книгу заклинаний? – спросила Кэсси, ехидно поднимая бровь.

Но Сет все равно продолжил сердиться:

– Да нет здесь никакой книги заклинаний. Твоя бабушка записывала все в блокноты. Наверное, по памяти. Когда-то она дружила с Гертрудой Великой, Гертруда Великая научила ее паре фокусов, и вуаля.

– То есть мы можем называть ее Гертрудой Великой?

– Конечно нет, такой ведьмы никогда не существовало. Я ее выдумал, чтобы тебе было понятнее. – Сет поднял голову, пытаясь придумать еще какой-нибудь способ объяснить, что он не сошел с ума. – Слушай, Кэсси, мне нужны только ее блокноты. Можешь даже их не отдавать. Просто дай списать оттуда нужный рецепт, и я... попробую сделать лекарство сам.

– То есть теперь травница ты.

– Вовсе нет. Но я должен попытаться.

– Хорошо, – сдалась Кэсси. – Как они выглядят?

– Не знаю. Такие маленькие записные книжки.

– Это сильно сузило круг поисков.

– Ладно. Те блокноты были голубые. Светло-голубые. И вроде в кожаном переплете.

В ответ Кэсси хотела презрительно фыркнуть что-то вроде: «Это может быть что угодно», но тут у нее в голове что-то засвистело, щелкнуло, и все встало на свои места. Перед глазами Кэсси пронеслись воспоминания, она бросила взгляд на заваленный кухонный стол...

Точнее, на то, чем кухонный стол был завален.

И бросилась к нему.

– Ты сейчас про него говоришь? – спросила она, хватая со стола один из бабушкиных блокнотов и поворачиваясь к Сету. – Вот из-за этого блокнота бабушка сказала, что мне на пушечный выстрел нельзя приближаться к плите, потому что я просто ужасно готовлю и своей готовкой могу кого-нибудь

отравить. А вчера я взяла и приготовила по одному из этих рецептов суп, – не без усилия выдохнула она.

А он не сказал «нет». Не стал с ней спорить.

Вместо этого он посмотрел на кастрюлю, которая все еще стояла на плите, и бросился к ней.

– Господи. Это оно. Это то, что мне нужно.

Нет, нет, нет, нет, нет! Что, черт побери, она сварила?

Что же она сварила?

Наверняка что-то ужасное.

Не задумываясь, Кэсси втиснулась между Сетом и вероятным адским варевом.

– Постой-постой. Ты что творишь? Нет, это точно не твое лекарство. Скорее, магическая бомба.

– Да нет, на магическую бомбу не похоже. И честно, я не понимаю, с чего ты вообще это решила.

– Эй, ты меня вообще слышал? У меня отвратительно получалось готовить штуки из этого блокнота. Все было настолько плохо, что бабушка в принципе запретила мне приближаться к плите. Наверное, чтобы я случайно не состряпала какое-то кошмарное заклинание.

– Скорее, она переживала из-за пищевого отравления.

– То есть ты считаешь, что лучше заработать его от магического отвара?

Судя по его реакции, именно так он и считал.

Сет все еще пытался приблизиться к кастрюле. Останавливала его только та же черта поведения, которую Кэсси за-

метила, когда он впервые появился на пороге ее дома: легкое напряжение, словно сама мысль о том, что придется проявить к ней агрессию, выводила его из равновесия. Как будто он боялся случайно ее задеть или как-то помешать, хотя, очевидно, сейчас ему это было очень нужно.

Но теперь Кэсси, кажется, начинала понимать причины такого поведения.

Он же чертов оборотень.

Чертовски сильный оборотень, мать его.

Сет мог без всяких усилий переломать ей все кости – но вместо этого неловко дернулся, пытаясь выхватить кастрюлю у нее из рук. Наконец он отошел от плиты. Кэсси показалось, что он сделал это почти вежливо, хотя по его лицу было явно видно, что он очень разочарован.

Сет бросил на нее умоляющий взгляд.

– Я просто намажу его себе на руку, – сказал он.

И поднял покалеченную руку, зная, что это подействует лучше любых слов. И действительно, при виде его увечья у Кэсси скрутило живот и перехватило дыхание, причем даже хуже, чем раньше.

«Потому что ты его прощаешь», – пропел ехидный голосок в ее голове.

Как же Кэсси бесила эта мысль.

И Сет бесил, потому что он вызывал у нее такие чувства.

– Пожалуйста, не надо, – сказала она. – Не надо мной манипулировать.

Но Сет только молча смотрел на нее. В его взгляде снова читалось раздражение и что-то еще, то самое, что Кэсси так и не смогла распознать.

Какая-то невероятная нежность, как будто она сделала для него что-то очень приятное, например, запустила пальцы ему в волосы или успокоила. Сколько же времени прошло с тех пор, как она заботилась о нем в последний раз? И сколько времени о нем не заботился никто, кроме ее бабушки?

Ведь родителям Сета было на него плевать.

Именно поэтому он и проводил все время в гостях у Кэсси. Он делал это потому, что, хотя родителям Кэсси тоже особо не было до нее дела, они позволяли ей смотреть и читать почти все, что хочется. И уж точно не запирали в комнате, если подозревали, что она увлеклась «какой-то бесовщиной». Она вспомнила, как однажды Сет переборщил с лосьоном после бритья и его на три месяца посадили под домашний арест за употребление алкоголя. Так что родители не стали бы его поддерживать, не говоря уже о том, чтобы заботиться.

Кроме того, насколько Кэсси знала, их уже не было в живых.

Кто там еще остается? Друзья вроде Джейсона или Тайлера? Возможно, они все еще с ним общались, но подобные вещи, скорее всего, их не волновали.

«Должно быть, Сет очень одинок», – мелькнула у нее мысль.

И гнев Кэсси немного поутих.

Совсем немного.

Еще сильнее он поутих, когда Сет сказал:

– Такой добрый человек, как ты, человек, который так переживает за мерзавца, который испортил ему жизнь, просто не может кому-то навредить. Может, тебе стоит довериться мне? И поверить в себя. Ты лучше, чем ты думаешь, Кэсси. И так было всегда.

Кэсси отпустила Сета Брубейкера с небольшим контейнером, в который перелила варево из чеснока, масла чили и молотой фасоли. И из магии, которая могла разжижить его внутренние органы.

Или, например, уничтожить всю планету.

Глава 7

Первым делом Кэсси принялась лихорадочно гуглить про травниц, о которых говорил Сет, но в результатах поисковой выдачи попадались только парики, пакетики с сомнительным содержимым и маленькие кофейни Англии. Про ведьм, которые хотя бы немного умеют использовать магию, не получилось найти ничего. Как понять, что ты именно такая ведьма, – тоже.

С одной стороны, это очень обнадеживало: никто не обвинит ее в непреднамеренном уничтожении миров, пока она не определится, как относиться ко всей этой ситуации. С другой же, она окончательно запуталась.

Вопросов стало только больше, но где можно было найти ответы? В этом доме ужасов не было ничего, что могло бы хоть как-то объяснить происходящее: ни записки в духе «пора открыть правду о твоём происхождении», ни древних книг с тайными знаниями мистических заговорщиков.

Только распиханные по углам жуткие штуковины, которые пугали Кэсси до полусмерти.

Черт, да она начала подсакивать от самых, казалось бы, обыкновенных вещей. Например, чуть не закричала от ужаса, когда в дверь позвонили, и смогла открыть дверь, только услышав:

– Здравствуйте, доставка для Кассандры Кэмберуэлл.

Правда, цепочку она убирать не стала. Курьеру пришлось просовывать сверток в узкую щель между дверью и косяком, пока Кэсси с подозрительным видом проверяла, нет ли в нем чего-нибудь сверхъестественного. Идея оказалась, мягко говоря, не слишком удачной, потому что ей прислали фруктовую корзину, и обойтись без потерь не удалось.

Бананы превратились в жидкое пюре, виноград расплюснулся, а вся открытка была перепачкана в липкой мякоти апельсина.

«Видела тебя недавно в городе. Я так рада, что ты вернулась! Судя по всему, тебе не понравились цветы, которые я присылала в прошлый раз, так что теперь я решила отправить корзину с фруктами», – прочла Кэсси. Ее сердце одновременно заколотилось и замерло от радости.

Какая Нэнси все-таки милая. Так приятно, когда за тебя переживает кто-то, кто тебя почти не знает.

Надо бы ей позвонить...

Хотя сейчас проблемы у нее были посерьезнее, чем в старших классах.

«Как я объясню ей, что происходит, если сама не до конца это понимаю... она же такое солнышко», – думала Кэсси, спасая оставшиеся фрукты.

Наверное, именно поэтому она не вздохнула и не закатила глаза, когда случайно посмотрела в окно кухни и заметила, что из леса выходит Сет. Вместо этого с ней начало происходить что-то странное. Желудок скрутило, но в то же вре-

мя он словно провалился вниз, дыхание почему-то перехватило, и в довершение всего у нее появилось непреодолимое желание сделать что-то очень неразумное.

Например, бросить все, выскочить на крыльцо и орать ему вслед все накопившиеся вопросы разом.

Но, к счастью, Кэсси удалось прийти в себя. Она тщательно вытерла мокрые руки о джинсы, расправила одежду, чтобы мешковатые свитера и кардиганы хотя бы отдаленно напоминали полноценный образ, и стала ждать, когда он постучит в дверь или позовет ее – с тем же нетерпением, с каким звал ночью.

Только почему-то этого не случилось.

Вместо этого она услышала, как он топчется по крыльцу и шелестит бумагами, как будто по какой-то необъяснимой причине притащил с собой целую кипу юридических документов.

Разумеется, ей пришлось пойти проверять, что это не так. «Должно же этому быть логичное объяснение», – подумала Кэсси, подкрадываясь к двери.

Когда она выглянула в глазок, увидела неожиданную, совершенно невероятную картину. У Сета в руках был блокнот, и он строчил в нем как ненормальный. Пока Кэсси за ним следила, он исписал знакомым убористым почерком целую страницу. Кэсси заметила, что он так же, как в школе, слишком сильно нажимал на ручку.

Но приятнее всего было даже не это, а то, чего он так стес-

нялся, когда они учились в школе. То, что он перестал делать, когда стал крутым.

Он шевелил губами, когда писал.

Как будто изо всех сил старался подобрать нужную формулировку.

Заметив, что он сложил исписанный лист и наклонился, Кэсси сразу поняла, что он просунул записку под дверь. Как только она скользнула к ее правой ноге, Сет тут же потопал с крыльца.

«Он как будто хочет уйти, даже не попытавшись со мной поговорить», – поняла Кэсси. Не раздумывая ни секунды, она схватила записку, распахнула дверь и выкрикнула его имя.

Сет подскочил от неожиданности и схватился за грудь.

– Господи, – выдохнул он. – Я думал, что после того, как... как... как я вломился в твой дом и чуть не разорвал тебя на куски... а еще после того, как ты увидела мою руку... ты больше не захочешь со мной разговаривать.

Чем больше он говорил, тем сильнее Кэсси была уверена, что выбрала правильное решение.

И тем больше ее интересовало, что же он написал.

– Так вот почему ты оставил мне записку, – сказала она. – Чтобы все объяснить.

– Не совсем. Ты все поймешь, но потом, когда ее прочитаешь.

– Потом? Никакого потом. Я прочту ее сейчас.

Сказав это, Кэсси развернула листок. Сет сложил его вчетверо, а она развернула одним резким движением. Но он шагнул вперед, прежде чем она начала читать.

– Господи, пожалуйста, не надо. Только не при мне.

– Хочешь сбежать, пока я не увидела, какие ты написал гадости, – прищурилась Кэсси.

– Да не писал я никаких гадостей, просто... я... торопился. Ну, знаешь, возможно, это... то есть... – Он увидел, что она уже начала читать, и осекся. – А ты меня даже не слушаешь. Ну и ладно. Просто восторг. Фантастика.

А чего он еще ожидал? Что она будет стоять и смотреть ему в рот, пока он заговаривает ей зубы? Если бы она его послушала, то выставила бы себя полной дурой, которая все время ведется на его злые розыгрыши. К тому же если она прочитает записку потом, то не сможет наорать на него за то, что он написал ей гадости.

Она с трудом сдержала крик, но, увидев написанные знакомым почерком слова «Дорогая Кэсси», застыла, будто на самом деле он написал «Привет, наивная дурында». Когда она продолжила читать, легче не стало, хоть само письмо удивило ее даже сильнее, чем его первые строки.

Прости, что навязываюсь, но я бы хотел извиниться перед тобой за тот случай с рукой. И за то, что чуть тебя не съел. И что вломился в твой дом. И что ты решила, что я спал с твоей бабушкой. Черт, я сильно перед тобой виноват, а ведь я еще не дошел до того случая в старшей школе.

Кэсси читала так быстро, что поначалу даже не поверила своим глазам. Она снова просмотрела абзац, чтобы убедиться, что правильно поняла смысл написанного, и машинально продолжила читать дальше:

Я прекрасно понимаю, что уже ничего не исправить, и дело даже не в том, через что тебе пришлось пройти по моей вине, а в том, как это ужасно. Наверняка ты до сих пор не оправилась. Я даже уверен в этом, потому что вижу, как ты себя ведешь, когда замечаешь меня. Даже не представляю, сколько боли тебе причинил. Но обещаю, я больше не буду тебя беспокоить. Я исчезну из твоей жизни, чтобы ты могла залечить свои раны и обрести покой и счастье.

Каждое слово в его записке причиняло боль, но чем дальше, чем полнее Кэсси осознавала, что именно он написал, тем быстрее колотилось ее сердце. С одной стороны, ей очень хотелось высмеять его неуклюжую писанину, но с другой, она понимала, что он просил прощения от всего сердца.

И это ощущение усилилось, когда она прочитала подпись:
Искренне твой, твой бывший лучший друг Сет Брубейкер.

Он почти так же подписывался в детстве. Кэсси часто видела подобную подпись в записках, которые он передавал ей на уроках, подсовывал под дверь или оставлял в их тайных местах. Она всегда казалась ей странной: очень формальной, но в то же время такой личной и нежной.

Так было и сейчас.

Было вне всяких сомнений, потому что Кэсси поняла, что

еще чуть-чуть, и она заплачет.

Кэсси быстро заморгала, чтобы не расплакаться прямо на глазах у Сета, но не разрыдалась она только потому, что заметила кое-что еще. Постскриптус – к тому же написанный так, словно в нем не было ничего особенного. А особенное в нем было, причем такое, что на мгновение она даже забыла, как дышать. Ей пришлось несколько раз перечитать короткую фразу под подписью, чтобы полностью понять ее смысл.

Но она так и не нашлась, как на нее реагировать.

Вместо этого она медленно подняла голову и прищурилась. Какая-то ее часть надеялась, что это было глупой шуткой. Остальная, бóльшая часть знала, что не было.

Просто невероятно! Неужели он действительно выразил свою мысль... вот так?

– Сет, ты реально закончил эту милую, в целом совершенно нормальную записку фразой «Ой, черт, постскриптус: я считаю, что из тебя выйдет суперсильная ведьма» – или у меня галлюцинации? – спросила Кэсси.

Но, кажется, он даже не понял, почему она разозлилась.

– Тебе правда понравилась записка? – с надеждой спросил он, не сводя с нее проникновенного взгляда темных глаз.

Сердце Кэсси бешено заколотилось, но совсем по другой причине.

По очень сверхъестественной, связанной с ведьмами причине.

– Ну да, – ответила она. – Пока я не дочитала до пост-

скриптума.

– Но я не собирался тебя разыгрывать.

– Это я понимаю. Я не понимаю, с чего ты решил, что это надо было написать именно в конце, как будто это сущий пустяк и, прочитав твой постскрипtum, я не упаду в обморок от шока. Я всю прошлую ночь провела, убеждая себя, что я никакая не ведьма, а ты вот так просто берешь и все это на меня вываливаешь?

– Я не хотел ничего вываливать. Просто не знал, как выразить и это, и другие, более важные вещи, – сказал он, причем искренне. Кэсси видела это по выражению его лица – видела, что он не пытается в чем-то ее убедить, что он правда озадачен ее реакцией.

Ему действительно было важно попросить у нее прощения – намного важнее всего остального.

А для Кэсси это было настолько ошеломляющее открытие, что она просто не знала, как реагировать.

Но, к счастью, ей было на что переключить внимание.

– Сет, ты мог просто все мне объяснить. Рассказать про ведьм, объяснить, почему ты считаешь, что что-то бред, а что-то – нет, чтобы я не подумала, что случайно расплавила тебе мозги. Ну, своими колдовскими чарами. Хотя я считаю, что ты ошибаешься и никаких колдовских чар у меня нет.

Для убедительности она сделала пару пасов, притворяясь, что плавит ему мозг, но в ответ получила только:

– Хорошо, тогда я напишу тебе еще одну записку.

И он снова вытащил ручку и блокнот.

– Сет, умоляю, не надо больше ничего писать, я же стою прямо перед тобой.

– Но ты же четко дала понять, что не хочешь со мной разговаривать.

– Я не хочу разговаривать о чем-то обычном. Но если ты хочешь поведать мне невероятную, душераздирающую, сверхъестественную, совершенно бредовую историю, послушав которую, я случайно выверну мир наизнанку, тогда прошу, забудь обо всем, о чем я тебя просила. Говори уже, ради всего святого, – выпалила Кэсси.

Слава богу, до него начало доходить.

Хотя ему понадобилась целая вечность, чтобы сформулировать ответ.

Кэсси буквально видела, как у него в голове крутятся шестеренки, пока он решал сложную задачку по разговорной алгебре.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Тогда мне стоит сосредоточиться на одной конкретной теме.

Кэсси очень хотелось воскликнуть: «Ну слава тебе господи!» Наконец-то. Чтобы его подбодрить, она показала ему два больших пальца.

– Ну что, давай. С размахом. На семьдесят тысяч слов.

– Через забор? С размахом? Семьдесят тысяч раз? Кэсси, я прямо не знаю.

– Да, с размахом. Мне нужно это услышать. Более того,

я настаиваю на том, чтобы ты как можно скорее начал свой рассказ, – сказала она.

На самом деле она не думала, что он выдаст что-то адекватное, поэтому, когда он сказал: «Слава богу, теперь я могу просто показать», ее пробрала легкая дрожь.

А когда он резко задрал куртку и футболку, обнажив живот, дрожь стала еще сильнее.

– Ты только взгляни, – сказал он. Как будто под одеждой было что-то ужасное.

Только вот ничего ужасного там не было. Кэсси видела лишь золотисто-медовую кожу и развитый пресс – и от этого ей было очень не по себе.

Она нервничала, как будто одновременно и хотела, и не хотела смотреть на его обнаженную кожу. Будто не знала, как он это воспримет.

Прямо как тогда в карьере. Он хотел показать, как рассекает воду, а она неожиданно обнаружила, что ее друг Сет стал выглядеть как взрослый мужчина. И она понятия не имела, как на это реагировать.

Впрочем, тогда все было не так уж страшно. Сет в тот день явно не понимал, как реагировать на то, что у нее выросла грудь. Она вспомнила, как он увидел ее здоровенные сиськи, покраснел до корней волос и всю прогулку старательно любовался небом. В тот день между ними возникло какое-то странное напряжение. Казалось, некомфортно тогда было им обоим.

Только вот сейчас все было не так.

Ему было плевать на ее сиськи.

И так было всегда, скорее всего.

Поэтому она скрыла свои странные чувства за ширмой сарказма.

– Так, Сет, ну я поняла, что ты накачал шесть кубиков пресса, спасибо, – закатила она глаза. Хотя ожидаемого эффекта это не произвело. Напротив, он с довольным выражением лица глянул на свой живот.

– Ты правда считаешь, что у меня шесть кубиков? – как ни в чем не бывало спросил он. – А я думал, что уже нет... Мне все время хотелось что-нибудь пожевать, а еще я все время спал, как сурок. К тому же в таком состоянии ты в принципе становишься намного толще и крепче, понимаешь?

«Твое тело, метаболизм и режим сна изменились», – отметила про себя Кэсси. Но конечно, она не могла сказать это вслух, чтобы он не решил, что она чересчур за него беспокоится.

Так что пришлось продолжать этот разговор.

– Кубики-то все равно остались.

– Да, но они уже не такие четкие.

– Допустим, хотя лично я не вижу в этом ничего плохого.

– Значит, тебе нравится, когда у мужчины есть небольшой жирочек.

– Да. Э-э-э... Да какая, к черту, разница? Сет, дело не в этом, – покраснела Кэсси.

Она окончательно запуталась.

Вот как ее попытки перевести разговор с неприятной темы привели к тому, что они начали говорить на другую, не менее неприятную тему? Но даже если Сет что-то и заметил, он не подал вида.

– Конечно, не в этом. Дело в шраме, который я пытаюсь тебе показать.

Но это же совершенно бессмысленно.

– Не вижу я никакого шрама, – сказала Кэсси.

В ответ он просто ткнул в нее пальцем, как будто она прекрасно все поняла.

– Вот именно. – Он говорил как сумасшедший ученый, который пребывал в экстазе от того, что она доказала его гипотезу. – Раньше вот тут была двадцатисантиметровая впадинка. Она еще плохо срослась и из-за этого была такой глубокой, что туда спокойно входил ноготь. А теперь смотри. Ее больше нет.

И он провел рукой по своему боку, там, где раньше был шрам, совсем как фокусник, который старательно показывал, что что-то растворилось в воздухе.

Но Кэсси все равно не понимала, к чему он клонит. Она даже поймала себя на том, что пытается придумать отговорку, чтобы хоть как-то объяснить его нелогичное поведение, пусть даже самую неправдоподобную отговорку.

– Может, ты его потерял?

– Потерял? Господи, нет.

– Ну вот не надо! Ведешь себя так, словно это я несу какую-то чушь, а сам вчера на полном серьезе заявлял, что вампиры существуют. Вчера я видела, как у тебя выросло пятьдесят лишних костей и миллион зубов. По сравнению с этим шрамы, которые ни с того ни с сего сбегают с твоего тела, выглядят очень даже правдоподобно!

– Хорошо. Справедливо, – сказал он, опуская руки. Футболка скользнула вниз. – Только он не «сбежал». Я выпил суп, и он зажил.

Последнее слово он произнес с придыханием, почти шепотом. Как маленький ребенок, который прошлой ночью видел Санта-Клауса. Именно поэтому Кэсси все же наклонилась и снова подняла его футболку. Кончиком пальца, так, чтобы открыть только тот его бок, на котором когда-то был шрам. Будто это был суший пустяк.

Но на самом деле это выбивало из колеи еще сильнее. Он позволил ей поднять свою футболку, даже не подумав, как это было странно. В его взгляде читалось легкое любопытство, но он как ни в чем не бывало смотрел, как она осторожно поднимает ткань и пристально рассматривает его кожу – намного пристальнее, чем ей бы хотелось. Как будто это не причиняло ему никакого дискомфорта. Как будто для него это был лишь пустяк.

У нее, напротив, это вызывало целую бурю эмоций.

Сейчас она не просто вспоминала, как когда-то ходила плавать в карьер со своим лучшим другом.

Она как будто снова была в том карьере – и снова стала той неловкой девчонкой.

Ее руки дрожали, щеки пылали – а Сет так спокойно реагировал на происходящее, что Кэсси начало казаться, что она чересчур сгущает краски. Хотя эта ситуация в принципе была... чересчур.

Ей просто нужно сосредоточиться на его шрамах.

Только на шрамах.

И Кэсси приложила все усилия, чтобы сосредоточиться на шрамах.

Только вот их у него не было.

Потому что он говорил правду. У него не было ни отметин, ни бороздок, ни шрамов. Никаких увечий, которые выдавали бы, что он оборотень. Его кожа была идеальной – безупречной, как будто он начал пользоваться каким-то увлажняющим кремом с омолаживающим эффектом, от которого кожа блестит и обретает здоровый вид.

Конечно, она отметила это только из научного интереса.

Все, что она сейчас делала, было вызвано исключительно научным интересом.

Все, начиная с выражения здорового скептицизма.

– Ты ошибаешься, – сказала она.

Хотя прекрасно знала, что он не ошибся.

И конечно, он бросил на нее раздраженный взгляд.

– И с чего ты это решила?

– А вдруг шрам был на другом боку?

– Ты реально думаешь, что я бы забыл, где у меня шрам в двадцать сантиметров, и не проверил бы все возможные места, где он мог быть? – покачал головой Сет. – Не знал, что ты так плохо обо мне думаешь.

«Да, молодец, – промелькнуло в голове Кэсси. – Думай, что я тебя презираю».

На самом деле Кэсси просто пыталась не показывать, что погрузилась в воспоминания, вне всякого сомнения не соответствующие действительности, – и от них у нее крутит живот. Но признаться в этом она не могла, так что пришлось придумать более разумное объяснение.

– Вовсе нет. Просто... что, если... что, если у тебя было слишком много увечий и ты уже сам об этом забыл?

– Конечно, увечий было много. Но не настолько, чтобы сбить меня с толку. Вот тут был ужасный полузаживший шрам, а теперь его нет. И он исчез через тридцать секунд после того, как я принял твоё лекарство.

«Он сказал „лекарство“?» – промелькнула мысль у нее в голове.

И от этого ей стало еще хуже.

– Это было не лекарство, – возразила она, опуская его футболку и поднимая голову. Хотя смотреть на его абсолютно серьезное лицо было почти так же тяжело, как на его живот. Особенно когда он был так уверен в своей правоте.

– Что бы это ни было. Результат налицо.

– Допустим. Но вдруг я готовила не лекарство?

– А что, по-твоему, дало бы такой же эффект?

– Ну, вдруг это одна из твоих сверхъестественных способностей.

Он рассмеялся и покачал головой, как будто она сморозила какую-то глупость.

– Это так не работает.

– Ну не знаю, Сет. Я же только сейчас обо всем узнала.

– Но я-то варюсь в этом давно. Так что я точно знаю, что случилось. Что бы ты ни готовила, это на порядок лучше того, что делала твоя бабушка. Обычная травница на такое не способна. Этот суп не просто уменьшил последствия трансформации и сделал меня менее агрессивным. Он буквально откатил все побочные эффекты. Свел все на нет. Заживил все увечья, которые я получил после трансформаций.

И снова эта нерушимая уверенность – хотя он нес полный бред.

Это очень злило Кэсси – главным образом потому, что она не знала, обманывает он ее или нет. А он, в отличие от нее, прекрасно понимал, что происходит, и из-за этого ей было невероятно сложно добиваться от него мало-мальски связанных ответов.

Но она должна была попытаться.

– Допустим, но ты же не можешь сказать наверняка, так это или нет. Разве тебе не нужно дождаться полнолуния, чтобы точно убедиться, что суп подействовал именно так, как ты говоришь? А вдруг оно наступит, ты выпьешь эту гадость

и все равно обратишься, – сказала Кэсси.

Он посмотрел на нее так, словно она сошла с ума.

– Дело не в этом, – усмехнулся он.

– Тогда в чем же?

– Я не из-за полнолуний превращаюсь. Обычно... – Он замолчал на полуслове, с трудом сглотнул и на мгновение отвел от нее взгляд. Как будто ему было трудно думать о... что бы это ни было, это быстро прошло. – Обычно трансформацию провоцируют другие вещи. У каждого волка свой триггер. Некоторые превращаются, когда начинают злиться. Или грустят. Или слишком счастливы. У кого-то трансформация начинается из-за гормональных... колебаний. Внутри как будто что-то щелкает и начинается обратный отсчет. Когда это происходит со мной, я делаю дыхательные упражнения, или раскладываю пасьянс, или засовываю... голову в морозилку, чтобы немного остыть. Но рано или поздно это случится. Сегодня утром отсчет начался, когда я проснулся... в возбужденном состоянии. А потом я выпил этот суп, и знаешь, что я чувствую?

– И что же?

– Ничего, – выдохнул он, наклоняясь вперед.

Теперь они были очень близко друг от друга, потому что, по-видимому, она тоже наклонилась вперед. Она просто не могла сдержаться, потому что теперь он объяснял, что именно имел в виду.

– Впервые за десять лет мне ничего не мешает. Я совер-

шенно спокоен. Снова чувствую себя нормальным человеком. Ты хоть представляешь, каково это, хотя бы на пять минут стать нормальным человеком? Не чувствовать, как бешено колотится сердце, как кожа словно плавится от жара, как зубы вот-вот выстрелят изо рта? А сейчас у меня не болят даже старые шрамы. Тот шрам не был единственным. Их было несколько десятков. Вот, смотри. – Он повернулся к ней спиной, снова задирая футболку, но почему-то на этот раз Кэсси не испытывала дискомфорта. У нее не возникло желания закрыть глаза и перестать любоваться гладкой кожей его спины – которую он открыл до основания шеи. Напротив, ей захотелось подойти к нему и пристально изучить каждый сантиметр его кожи. Хотя теперь в этом не было необходимости.

Он объяснил все сам:

– Я четыре года ходил со смещенной левой лопаткой, а сейчас от смещения не осталось и следа. А рука... я думал, она останется такой навсегда. Но вот, смотри, теперь она как новенькая. А вот тут, похоже... – Услышав это, Кэсси напряглась и поняла, в чем дело, лишь когда он начал растягивать джинсы.

Она снова сильно смутилась.

– Господи, я тебе верю, пожалуйста, не снимай их! Я и так на взводе, а при виде твоего здорового волчьего члена так и вовсе сойду с ума, – лягнула Кэсси не подумав.

И хотя она случайно заговорила о его пенисе, жалеть бы-

ло не о чем, потому что он перестал расстегивать джинсы и сказал:

– Кэсси, я просто хотел показать тебе свое бедро.

Кэсси густо покраснела и поморщилась.

– Да, конечно. Бедро. Да, – выдавила она.

К его большому удивлению – и негодованию.

– Ты за кого меня принимаешь?

– Прости, просто я в шоке.

– Я, конечно, все понимаю, но я бы предупредил, прежде чем светить этой огромной штуковиной.

Он покачал головой, словно ее предположение потрясло его до глубины души, хотя он явно не понимал, что сказал. Но она-то все поняла.

Заметив, как расширились ее глаза, он, кажется, начал что-то подозревать – и сильно смутился.

– Черт, – сказал он. – Наверное, не надо было говорить, какой он большой?

Какой же он все-таки нелепый. Ну полный кретин... впрочем, как и всегда. Раньше она сравнивала его с золотистым ретривером, который внезапно стал человеком. Раньше это было очень мило.

Но как же это бесило сейчас.

– Возможно, для моего душевного благополучия было бы лучше, если бы ты этого не делал.

– Прости. Просто из твоих слов я подумал, что ты уже это знаешь. Ты говорила так уверенно.

– Да я же просто пошутила.

Он с сожалением кивнул:

– Да, теперь я это понял.

– Жаль, что ты не понял это секунду назад, тогда мне не пришлось бы навечно запечатлевать этот образ в моем мозгу. Ты же знаешь, иногда лучше промолчать. Вот ты жил, даже не думая о том, как может выглядеть пенис твоего заклятого врага, в следующее мгновение эта штукавина уже раскручивается у тебя в голове, как фруктовый рулет, – вздохнула Кэсси. Она надеялась, что усталости и сарказма в ее голосе будет достаточно, чтобы завершить этот разговор.

Но нет.

Нет.

Почему-то он продолжил:

– Нет, не настолько длинный. Закрутить как рулет его точно не получится. Обычно я прижимаю его к бедру, надеваю длинные обтягивающие шорты, и он, как правило, никуда не девается... господи, что я несу.

– О да. Что ты несешь. Я сейчас умру со стыда.

Он поморщился:

– Прости меня. Прости, правда, я просто подумал, что это нужно объяснить.

– Сет, нам и без этого есть что обсудить. Объясни лучше про шрамы, про суп и почему ты считаешь, что я более сильная ведьма, чем моя бабушка.

– Ты однозначно более сильная ведьма. Сомнений быть

не может.

Кэсси застонала от досады и отвернулась. Попыталась придумать пятьдесят аргументов против его слов. Но прежде чем она успела высказать хотя бы один из них, он снова заговорил. Громко и четко, как будто ни на секунду не сомневался в своей правоте.

– Скажи честно, – начал он, – кто написал эти рецепты?

Слава богу, он задал хотя бы один вопрос, на который у нее был точный ответ.

– Она. Все эти рецепты написала она.

– Не слишком-то ты в этом уверена.

– Уверена! Давай я принесу ее блокноты. Сам убедишься.

Она тут же повернулась, но даже не успела зайти в дом, потому что он крикнул ей вслед:

– Писала-то, может, и она, но готов поспорить, что диктовала ей ты! – Немного помолчав, он добавил: – Ты еще скажи, что это не так. Скажи, что все эти рецепты ей надиктовала какая-то другая ведьма, про которую она никогда никому не рассказывала. Скажи, что у тебя никогда не возникало ощущения, что она делала что-то не так. Ты никогда ее не останавливала, никогда не поправляла, никогда не думала, что все получится, если помешать три раза, а не четыре.

Кэсси хотела презрительно фыркнуть ему в ответ. Только вот фыркнуть не получалось, потому что, когда до нее дошел смысл его слов, с губ сорвался только слабый вздох. Она вспомнила те летние дни, вспомнила, как бабушка писала в

блокноте и время от времени спрашивала что-то вроде: «Что скажешь, Кэсси? Тут надо одну ложку или две?»

И разве она не отвечала?

Разве она не...

– Это не... не то... я не... – заикаясь, выдавила она.

Но как только она это сказала, ее с головой накрыли воспоминания.

Как она ни старалась, она ничего не могла поделать.

И конечно, он это заметил. Он все понял по ее глазам.

– Так и было. Вижу по твоему лицу, – сказал он.

Но она не могла вот так просто сдаться.

Это же какое-то безумие.

– Ну, значит, ты неправильно все понял. Потому что я не Гертруда Великая, не происхожу из древнего рода могущественных ведьм и не училась по ужасным магическим книгам, которые ни в коем случае нельзя показывать простым смертным.

– Это ничего не меняет.

– В смысле? Конечно меняет! Как еще становятся ведьмами?

– Это все стереотипы. Твоя бабушка рассказывала мне совсем другое. Она говорила, что ведьмой может оказаться любая женщина – и далеко не факт, что магические способности передались ей от матери, тетки или других странных предков. Иногда они и вовсе открываются спонтанно. И учиться по магическим книгам совсем не обязательно. Ино-

гда магия проявляется случайно, инстинктивно. Ты очень чего-то хочешь, с очень большой вероятностью у тебя не получается – и вуаля! Ты умеешь колдовать. Просто чувствуешь, что именно надо делать, даже если не понимаешь, что это такое. Твоя бабушка сравнивала это с калейдоскопом, – протараторил он.

На первый взгляд казалось, что он нес полнейшую чушь, но вот что странно: каждое его слово попадало точно в цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.